

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АЛЕКСАНДР СИВИНСКИХ,
АЗАМАТ КОЗАЕВ

ИМЯХРАНИТЕЛЬ

Александр Сивинских

Имяхранитель

«Автор»

«Автор»

2007

Сивинских А. В.

Имяхранитель / А. В. Сивинских — «Автор», «Автор», 2007

Добро пожаловать на Перас, странник! Здесь мягкий климат и щедрая природа, нежные женщины и отважные мужчины. Здесь легко жить и еще легче умирать. Но, прежде чем войти сюда, запомни: пути назад не будет. Благодатный этот край заключен в золотую клетку Пределов, и дверца открывается только в одну сторону. И еще запомни: чудовища древних мифов здесь реальны и неистребимы. Ночь за ночью пожинают они урожай причитающихся им душ, выбирая своими жертвами лучших из лучших. Лишь один человек способен противостоять лунным бестиям. У него нет прошлого и, говорят, нет будущего. Только настоящее. Ему нечего терять и поздно что-либо приобретать. Поэтому он способен на отчаянные подвиги и хладнокровные предательства. Его лик суров. Его поступь тяжела. Остановить его невозможно. Взгляните, вот он! Тот, кого зовут Имяхранителем.

© Сивинских А. В., 2007

© Автор, 2007

© Автор, 2007

Содержание

Пролог	5
АЛЬФА	8
АМНЕЗИЯ	10
БЕТА	28
ФЛАМБЕРГИ	30
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Александр Сивинских, Азамат Козаев

ИМЯХРАНИТЕЛЬ

*Имя имен
в первом вопле признаешь ли ты, повитуха?
Александр Башлачев*

Пролог

Крупный белый зверь неторопливо рысил вдоль полосы прибоя. Был он красив и походил на собаку: загнутый полумесяцем хвост, острые уши, вытянутая морда. Из-под бахромчатых верхних губ высывались желтоватые клыки, чуть более длинные и кривые, чем у обычного пса. Лапы тоже были слишком длинны для собаки с такой могучей грудью и холкой, но несоответственность скрадывалась шелковистой шерстью, ниспадающей почти до земли. Зверь что-то искал – чутко поводил ушами, останавливался и нюхал воздух, приоткрывая пасть, и тогда становилось видно, что остальные зубы по мощи и остроте не уступают клыкам. Наконец он уловил искомый запах и резко прибавил ходу.

Больше он не останавливался.

На том же берегу танцевала девушка. Она была мала ростом, толстовата, и поэтому двигалась не слишком грациозно. Мешал ей и расплзающийся под ногами песок. Однако ни песок, ни собственная полнота ничуть ее не смущали. Она целиком отдалась движению. Светлые легкие одежды развевались, крепенькие ножки ступали коротко, но быстро. Лицо закрывали намокшие от пота темные кудряшки. Зрители отсутствовали. Стояла ночь, а побережье, выбранное девушкой для танцев, было далеко от города.

И все-таки одна зрительница нашлась. Полная, круглая, яркая почти до слепящей белизны, слегка подкрашенной желтым. Луна. Казалось, толстушка старается как раз для нее.

Затем зрителей стало больше. Подбежал белый зверь, схожий с собакой, и присел на расстоянии двух-трех хороших прыжков. Он внимательно следил за движениями девушки, иногда привставал, и тогда шерсть на загривке топорщилась, но потом садился вновь.

Любого другого такое поведение собаки насторожило бы наверняка. Но только не танцовщицу. Она не замечала ничего вокруг, двигалась все быстрее, наконец споткнулась и упала на одно колено. Раздался тихий смех. Зверь приподнялся, еле слышно заворчал. Девушка провела по лицу рукой, испачканной в песке, откинула волосы. Нос у нее оказался маленьким и вздернутым, щечки пухлыми, как и губки, а брови густыми, но очень короткими. Глаза были закрыты. На влажной коже остался след из налипших песчинок. Девушка встала на ноги и неторопливо отряхнула плечо. Там, где ее ладошка прикоснулась к платью, ткани вмиг не стало. Словно рукав-фонарик, сотканный из газа, улетучился, растворился в воздухе. Она провела рукой по другому плечу, животу, бедрам – одежда с каждым ее движением исчезала.

Зверь тихо и коротко рыкнул. С нетерпением.

Когда девушка осталась полностью без одежды, он бросился на нее.

Спасло танцовщицу то, что она снова начала танцевать и как раз выполняла пируэт на одной ноге. Белоснежный монстр, набравший значительную скорость, промахнулся. Но он мягко приземлился, молча развернулся и прыгнул вновь. На этот раз точно.

Рванул – и отскочил.

Глаза у девушки распахнулись. Она не издала ни звука, с изумлением глядя на свое бедро, глубоко располованное звериными клыками. Потом дотронулась до изувеченной ноги пальчиками. Рана не кровоточила, а напиталась густой влагой, похожей на жидкий перламутр.

Фосфоресцирующие струйки пролились на колено, стекли ниже, капнули на песок. Девушка пошатнулась, охнула. Не от боли, боли она не чувствовала, а от нахлынувшего страха.

А зверь, закидывая голову к спине, будто птица, торопливо глотал вырванный из ее ноги кусок плоти. Пасть охватило пульсирующее зеленовато-перламутровое сияние. Зверь облизнулся. Он больше не был красив. Он стал страшен. Глаза его, точно прицеливаясь, остановились на пышной ягодице девушки. Горло – потом. Сердце, печень – десерт. До рассвета далеко, и великолепная забава не будет скоротечной. Тварь почти по-кошачьи поджала задние лапы, готовясь к следующему прыжку.

И кувычком полетела вбок от сокрушительного удара.

Даже не пытаясь выяснить, кто на него напал, зверь вскочил – его немного повело – и бросился удирать. Он был труслив и осторожен, а главное, очень дорожил своей прекрасной шкурой.

Удрать не получилось. Огромный длиннорукий, заросший дикими волосами мужчина, единственной одеждой которого были холщовые штаны, подвязанные веревкой, поймал его за задрюканную. Почти без натуги швырнул далеко в воду. Стремительно двинулся следом.

Зверь извернулся в полете и упал на напряженные лапы. Обиженно гавкнул. Прибойная волна, слишком слабая, чтобы сбить его с ног, промочила насквозь, обрисовав сильные тугие мышцы. Плавать зверь не умел и воды боялся. Осознав, что ускользнуть не удастся, он оскандился, подобрался. Он решил принять вызов.

Полуобнаженный гигант понял это и жутковато усмехнулся.

С берега донесся вой. Мужчина быстро обернулся. Еще двое белых убийц спешили на помощь собрату. Они были гораздо ближе к девушке, чем тот, что напал первым, и человек ринулся им навстречу. Он пришел не наказывать, а защищать.

Сначала – защищать.

Схватка была молниеносна, почти неуловима для глаз девушки. Длилась какой-то миг. Враги слетелись, сплелись в клубок, который быстро распался. На песке остались лежать две твари. Одна слабо билась, другая, обмякшая, противоестественно вытянутая в длину, была неподвижна. Гигант шумно дышал. Кровь тонкими струйками стекала по его спине. И еще была по локоть окровавлена рука, побывавшая в звериных клыках.

Если бы девушка могла уследить за недавним действием, то видела бы, как в первый момент столкновения человек пал на колено, одновременно разворачиваясь. Даже звери, само воплощение ловкости и силы, оказались недостаточно быстры, чтобы опередить его. Одна из тварей оказалось у здоровяка под мышкой, будто в капкане. Она бешено выгибалась и упиралась. Горячая пасть распахнулась, нацеленная на такое близкое человеческое горло. И мужчина сунул в эту пасть руку. Глубоко сунул. Ухватил там, внутри, трепещущее, горячее, нежное, из всех сил стиснул пальцы и рванул назад, раздирая предплечье об острейшие зубы, почти выворачивая зверя наизнанку. Отбросил кулак со сжатыми в нем внутренностями вверх и за спину.

Кровь у твари оказалась не красной, как у мужчины, а цвета жидкого перламутра. Такая же, как сочилась из раны на бедре девушки-танцовщицы.

Другой зверь тем временем терзал спину гиганта, пытаясь подобраться к шее. Могучие мышцы взбугрились холмами, не давая хищнику перегрызть позвоночник или перехватить артерию. Клыки скользили по коже, прочной и упругой, будто бычьей, не оставляя скольконибудь опасных следов. Лапы молотили резко и сильно, но лишь несколько длинных царапин пробороzdили широкую спину мужчины, да штаны оказались разорваны. Покончив с первым противником, гигант встряхнул плечами, проворно крутанулся на месте, еще в воздухе успев поймать свалившуюся со спины тварь. Встал. Ахнул – хрипло, страшно; вскинул зверя в воздух, перевернул хребтом вниз и обрушил на выставленное колено. Разжал кулаки. Отступил на шаг.

Зверь с переломанным позвоночником, еле слышно поскуливая, сучил передними лапами и пытался отползти прочь. Гигант выворотил из песка валун, похожий на лошадиный череп, и мощным ударом острого выступа разmozжил поверженной бестии голову.

А пес, напавший на девушку первым, убежал. Он был в высшей степени сообразителен, и потому не испытывал сожалений ни об упущенной добыче, ни о погибших собратьях.

Вдогонку ему полетел камень, но белый зверь был уже далеко. Петляя, он продолжал мчаться так быстро, как только было возможно на песке... однако невероятное произошло. Камень попал, хоть и вскользь. Зверь взвизгнул, его мотнуло, задние лапы на миг подкосились. Однако после этого он не остановился, наоборот, прибавил скорости. Через секунду его было не разглядеть.

Мужчина, не теряя времени, двинулся к несчастной. Она молча, с каким-то отстраненным любопытством разглядывала рану на бедре. Касалась ее – то одним пальцем, то другим. Истечение светящейся субстанции, заменявшей девушке кровь, уже ослабло, но совсем не прекратилось. Намокший песок под ногами переливался, будто подсвеченная изнутри россыпь мельчайшего жемчуга. Оторвав от разодранных в схватке штанов длинную ленту, мужчина быстро и умело перетянул рану. Близкое и такое доступное женское тело, казалось, ничуть его не взволновало. Он был бесстрастен, как врач. Впрочем, и спасенная не обращала внимания на собственную наготу.

Покончив с перевязкой, мужчина легко, будто ребенка, поднял девушку на руки, и заговорил. Голос его оказался низок и по-особому богат. Словно нарочно был «поставлен» для театральной сцены.

– Ты не человек, – утверждающе сказал он. – Ноктис?

Существо, похожее на девушку, голосом, абсолютно неотличимым от девичьего, произнесло: «Да!» Кивнуло и счастливо улыбнулось. Наверное, эта улыбка могла бы расположить к толстушке даже тысячелетнего идола, олицетворяющего дух скорби, заставить ожить древний камень на краткий миг и улыбнуться в ответ. Но только не угрюмого мужчину. Он подвигал челюстью и хмуро спросил:

– Скажи, ноктис, ты помнишь, где твой дом?..

АЛЬФА

...Две с половиной тысячи лет назад в представлении людей Земля еще не была шаром. Она являла собою цилиндр или отрезок колоссальной колонны с высотой, равной трети диаметра, и звалась Хтония. Цилиндр тот покоился в центре мира и омывался со всех сторон Океаном, вместе с которым был заключен в **небо**, в сравнительно тонкую оболочку из воды и воздуха, замкнутую, в свою очередь, внутри сферы из огня. Элементов, из которых состоит доступный человеку мир, тогда было всего четыре, и ни один из них не был химическим. Числа делились на треугольные, квадратные и прямоугольные, а люди делились на тех, кого зачали боги, и тех, чьих предков воистину сверхъестественная похоть богов обошла стороной. В те далекие времена место, о котором пойдет речь, звалось Пеперасменон, что на древнегреческом языке значит «ограниченное, определенное, конечное». Иначе: «мир внутри Пределов».

Если совсем коротко – Перас: Предел.

Так оно зовется и сейчас.

Больше всех о Перасе знали орфики, Анаксимандр, да еще, пожалуй, Гераклит из Эфеса. Но никаких письменных свидетельств, в которых упоминалось бы о Пеперасмене, от Анаксимандра и орфиков не сохранилось. Как не осталось от них письменных документов вообще. Что же касается Гераклита... Не напрасно современники прозвали его Темным. Понять, какие из его соображений относятся к Пеперасмену, почти невозможно.

Можно только предполагать, почему во время оно Перас был отделен от Земли пресловутыми Пределами. Самой правдоподобной версией является та, в которой говорится, что именно здесь скрылся от гнева Зевса двупольный бог Фанес – символ света, силы и мудрости. На Земле Фанес оставил вместо себя двойника, куклу-фантом. Эту куклу обманутый Зевс пожрал, мечтая приобрести великолепные качества соперника. Разумеется, приобрел он лишь расстройство божественного желудка.

Вполне возможно, так оно и случилось в действительности. Как известно, Зевс давно сошел со сцены. Фанес же внутри Пределов по сей день пользуется огромной любовью. Ему поклоняются, ему воздвигают храмы и молятся. Его даже видят.

Считается, что Перас есть некое подобие внешнего мира. Того самого, древнего, цилиндрического. Он – копия доисторической Земли-Хтонии, только намного более доброжелательная к населяющим ее существам. Настоящая Утопия. Увы, но это, конечно, не так. Да, действительно, внутри Пределов климат чрезвычайно мягок, природа щедра, болезни редки, а общественные отношения устойчивы. Но не стоит забывать, что эти замечательные отношения покоятся на самом настоящем рабстве, на жестком ограничении рождаемости для абсолютного большинства. Не стоит забывать, что этот благодатный край все-таки заключен в золотую клетку Пределов. Что бегство с Пераса возможно лишь на грешную Землю и лишь на сравнительно краткое время. И что, наконец, чудовища древних мифов в

Пеперасменоне реальны, практически неистребимы и день за днем пожинают урожай причитающихся им душ.

Выбирая своими жертвами лучших из лучших...

(М. Маклай, М. Поло. «Стоя у границ безграничного»)

АМНЕЗИЯ

*Я жив, но жив не я. Нет, я в себе таю
Того, кто дал мне жизнь в обмен на смерть мою.
Он умер, я воскрес, присвоив жизнь живого.
Теперь ролями с ним меняемся мы снова.
Моей он смертью жив. Я отмираю в нем...*

Пауль Флеминг

Около девяти месяцев назад

Иван лежал на спине и смотрел в потолок. Потолок был зер-кальным, и в нем отражались двое, мужчина и женщина. Мужчиной был он сам, а женщиной – очередная Цапля. Девчонка по вызову. Длинноногая, длинно-носяя, с широкими бедрами и узкими плечами. Как раз такая, как ему нравится. Она лежала на жи-воте, отвернув к стене черную лакированную головку с пепельным хохолком посредине. Спала?

«Я хочу умереть, – вдруг совершенно ясно понял Иван. – Просто хочу умереть. Подойти к окну, открыть его, шагнуть вниз... Седьмой этаж, брусчатка внизу. Я даже не успею испугаться. Надоело. Жить окончательно надоело. Да и незачем. Роб найдет себе нового имя-хранителя. В конце концов, есть и другие, ничем не хуже меня... – Он приподнялся на локтях. – Когда?.. Да прямо сейчас. К чему откладывать».

Он перекатился на край кровати, спустил обнаженные ноги на холодный паркет. Встал, потянувшись большим телом, и направился к окну.

– Не надо! – Голос Цапли исходил неподдельной горечью.

Иван замер, повернулся и удивленно всмотрелся в обычно безмолвное соз-дание.

Цапля стояла на коленях. Тонкие руки были сложены в умоляющем жесте, по лицу градом катился пот, смывая бело-черный перистый грим, под которым проступала загорелая кожа. Губы подрагивали, влажный язычок быстро скользил по ним, прятался и появлялся вновь. С глазами Цапли было вовсе неладно. Они распахнулись во всю ширь, зрачки увеличились до размеров радужки и пребывали в непрерывном движении. Казалось, зрачки вот-вот разорвутся надвое, как делящаяся инфузория. Не было ни малейшего сомнения в том, что Цапля использовала свое *умение*. Прочла его желания.

Законы об использовании *умения* внутри Пределов крайне строги и выполняются Цаплями безукоризненно. За вторжение в соз-дание клиента, помимо времени близости, *умение* у нарушительницы выжигается напрочь. Вместе с частью мозга.

«И ждет тебя после операции унылая келья в одном из домов для душевнобольных», – подумал Иван, почти не сомнева-ясь, что девушка его услышит.

– Плевать. – Она услышала. – Если ты нырнешь сейчас в окно, об этом... этом моем прегрешении все равно никто не узнает. Зато если останешься... О, спасенная жизнь самого известного имяхранителя наших дней будет неплохим утешением для идиотки, смиренно замаливающей грехи своей бурной молодости. Правда же?

Цапля не без игривости хлопнула длин-ными ресницами.

Иван хмыкнул:

– Девочка, так тебе почему-то кажется ценной моя жизнь? Я тронут. Но знаешь, это не изменит моего решения. – Голос его обрел прежнюю уве-ренность. – Если у тебя слабые нервы, отвернись. Уши можешь не затыкать, я не закричу.

– Да погоди, ты, торопыга! – Цапля подалась впе-ред. – Хотя бы выслушай...

– Ладно. У тебя минута.

Когда девушка закончила говорить, Иван уже сидел в кресле, задумчиво подбрасывая золотой декарт. Цапля подошла, качая бедрами, опустилась перед ним на корточки, с надеждой заглянула в лицо. Иван подхватил ее руку, развернул ладоню вверх и вложил монету. Сжал хрупкую кисть в кулак, дунул в пре-красные зеленые глаза и с усмешкой пообещал:

– Убедила. Пока – останусь. Пока...

* * *

Иван остановился перед дубовой резной дверью с медной табличкой под медным же кольцом. Гексаграмма оберега занимала пятую часть площади таблички. Она двигалась, мигала (стоило сосредоточить на ней взгляд) и набухла полнокровным объемом то там, то сям. Смотреть на нее было трудно – быстро уставали глаза.

Кольцо свисало из кривого клюва хищной птицы. Ее вороненая голова с рубинами вместо глаз и позолоченными перьями, наверное, не первое столетие разглядывала посетителей этого древнего ка-менного дома. Иван потянул кольцо вниз, птица раскрыла клюв. Раздался клеткот, рубины глаз о-светились. Щеколда за дверью, мягко упираясь, пошла вверх. Дверь распахнулась.

Внутри было сумрачно. Возвышались неподвижные фигуры в рыцарских доспехах. Горел лишь один газовый светильник в виде факела. Отсветы огня скользили по червленым кирасам и шлемам. Иван решительно шагнул под скрещенные алебарды, с ува-жением поглядев на могучие стальные фигуры. Судя по дос-пехам, воины древности имели колоссальные размеры торса при чересчур коротких ногах. Впрочем, были они при жизни поголовно всадниками или привратниками, а для подобной службы длинные ноги, в общем, необязательны.

Роб работал. Гусиное перо порхало над столом, словно флажок корабельного сигнальщика. Исписанные листки разлетались чайками. Крышка допотопной чернильницы гремела канонадой Трафальгара. По матово-фиолетовой, слабо изогнутой поверхности магической линзы стремительно летели изумрудные строчки – это микродаймон старательно снизывал в ажурную нить образы, рожденные гением хозяина. Роб что-то правил пальцем прямо на линзе и бормотал время от времени в изогнутый рожок звукоприемника (сделанный, как знал Иван, из настоящего турьего рога). А за плечами его, бурля сотнями бесплотных складо-к, разве-вался в потоках несуществующего ветра колоссальных размеров алый плащ.

Имя творца.

* * *

Когда-то Иван тоже имел Имя... До тех самых пор, пока оно не ушло однажды в ночь. Навсегда. Чтобы сгинуть. Тогда еще не было имяхранителей. Или Иван просто не знал об их существовании. Это было ему не нужно. Он, как многие до него, был уверен в вечной жизни. Своей и своего Имени.

Реальность криво ухмыльнулась наивности человечка и проглотила его душу.

Сейчас уже невозможно определить, как долго длился сразивший его в те окаянные дни ступор, полусон-полуявь. Казалось, Иван существовал в виде странного эмбриона. В виде кокона, который, лопнув от собственных тесных объятий, выпустил наружу теперешнее чудо-вище. Широкое, как амбарные ворота, и мощное, как паровой пресс. Проворное, точно лес-ной кот. Неутомимое, будто ветер над океаном. С руками-лопатами и ногами-вездеступами, которым совсем не нужна обувь. С ногтями, способными снять стружку с самой плотной дре-весины, и зубами, могущими перекусывать гвозди. Огромное существо. Огромное!

И пустое – как взгляд мертвеца.

Вместе с Именем умерла память. Не так чтобы полностью, но зияла столь колоссальными прорехами, что лучше бы ее не было вовсе. Обрывки, огрызки воспоминаний; куцые хвосты мыслей неопрятными кучами мусора громоздились там, где некогда пышно цвела жизнь. Иван даже не знал, кем был прежде.

В себя он пришел среди копошения убогих людишек. Это была какая-то завшивевшая ночлежка для неизлечимых больных да стариков, брошенных родными. Ее завсегдатаи, нашедшие Ивана неизвестно где и неизвестно зачем притащившие в свою нору, метались, плача. Первым его действием после пробуждения было бить, крушить, ломать. Он схватил ближайшего человечка за лицо, подтащил к себе и выкрикнул: «Кто я?» Лицо у бедняги смялось, как салфетка, он слабо забился и тотчас безжизненно обвис. Иван разжал пальцы. Человечек повалился наземь, словно пустой мешок. Толпа взывала с новой силой и еще большим страхом.

Откуда-то сверху прыгнул здоровенный детина со злым лицом и бросился на Ивана. У нападающего было по ножу в каждой руке. Он был ловок, быстр и уверен в себе. И силен – дикой, отчаянной силой коренного обитателя городского дна. Здешний главарь. Вожак. Тиран, спасающий непререкаемость своего авторитета.

Иван встретил противника грудью, легко перехватил вооруженные руки и ударил лбом в переносицу. Лицо вожака не успело изменить выражения: он умер, еще не упав. Иван схватил его за волосы и рывком взметнул в воздух, так что ступни мертвеца оторвались от пола. Потом с силой отбросил от себя. В толпу, в вой и стенание. Тело полетело, кувыряясь, словно тряпичная кукла.

«Кто я-а-а?!!» – заревел Иван яростнее прежнего. От крика в голове что-то взорвалось, и он вновь потерял сознание.

Жители ночлежки не посмели его тронуть, даже беспамятного. Разбежались сами. Все. До последнего.

Оставив опустевшую ночлежку, Иван несколько дней бродил по городу, пытаясь найти свой дом. Тот, которого не помнил. Спасли его мальчишки. Однажды он забрел к порту, и стайка местной шпаны принялась скакать вокруг него, кривляясь и выкрикивая: «Обломок! Обломок! Где твое Имя, обломок?! Пошарь-ка в своем очке! Поищи-ка на своем кривом сучке!»

Все встало на место.

Обломок, ну конечно! Бывший полноименный. Бывший творец. Бывший...

Тут же, возле порта, он вымылся в океане с головы до ног, свирепо оттираясь песком, и переделался в украденную с веревок свежестыранную одежду. От ворованного наряда – грубой заплатанной рубахи на завязках, штанов да рыбацкой шляпы с пространными полями разило дрянным дегтярным мылом. Но все же это было куда лучше, чем запах пота и нечистот. Ивана мало заботило то, что рубаха не сходилась на груди, а штаны были коротковаты и крайне широки. Иван подпоясал их куском веревки, с которой стянул вещи. Он выждал часок, чтобы ткань подсохла, и отправился в префектуру. Считал, что там помогут.

Префектура встретила его шелестом войлочных туфель и блеклыми глазами письмоводителей, глядящими мимо.

«Что? Кто? Вы?.. А вы кто? Ага, сударь, правильно, мы видим вас впервые. Нет. Нет, никогда! Нет-нет. Где жить? Станный вопрос. В городе множество бесплатных приютов, домов призрения. Там кормят. Конторы вербовщиков находятся там же. Мужчина вы крепкий, работой вас обеспечат без проволочек... Да не мешайте же вы трудиться, в конце концов! Вот именно, прощайте».

И в спину – как змеиное шипение – брезгливое: «Обломок!». Внутри Пределов нет места жалости к «бывшим».

Полноименные, владельцы Имен, в почете. Они известны и почти обязательно богаты. Они элита, не претендующая ни на что, кроме безграничного права творить. Стержень этого мира и смысл его существования.

Одноименные, коих большинство... Помилуйте, но ведь Перас, в сущности, принадлежит им!

Даже *безымянные* колонны, и те, по меньшей мере, уважаемы. Хотя бы как одушевленный человекообразный скот с зачатками разума.

Обломки же – презираемы. Ты был полноименным, творцом, а значит, был всем. Ты имел все блага, не прилагая к этому ни малейшего труда, всего лишь родившись с *Именем*. С этой странной субстанцией, то эфирной, то материальной, которая выбирает симбионта в силу неведомой закономерности. Или без закономерности вовсе. Тебя боготворили, пред тобою преклонялись. Да обслуживали, наконец! Но твое Имя, когда оно ночью в образе *ноктиса* гуляло под луной, сожрали горги, и ты стал ничем. Со–страдание к обломку? Абсурд!

Никто не пришел сказать ему: «Ты был тем-то». Он метался. Его сторонились.

Решение о выборе нового пути было мучительным, как отречение собственной руки. Пусть пораженной гангреной, но своей! Иван навсегда запомнил, при каких обстоятельствах это случилось.

Стояла ночь, столь нежная, что хотелось танцевать, читать стихи, до боли в губах целоваться или плакать от необъяснимого счастья. Делать то, что навсегда осталось для него за чертой. Он брел вдоль берега, все дальше и дальше от города, от людей, для которых сделался вдруг отвратительным. Прикидывал, не уплыть ли на Острова, чтобы наняться там каким-нибудь пастухом. Или лучше податься в рыбаки? А может, поступить еще проще и решительней – утопиться прямо тут же, да и дело с концом? И вдруг его словно толкнули в бок, да так сильно, что занули ребра. Ему показалось – раздался вскрик, полный страха, настоящая мольба о помощи. Зов, услышанный не ушами, а теми самыми мозжащими реберными костями. Иван огляделся. Ничего не было видно. Но чей-то далекий ужас становился сильнее, а Иван вдруг с полной уверенностью почувствовал, откуда идет этот зов. И бросился на выручку.

В ту ночь он впервые спас от горгов *ноктиса* – телесное воплощение Имени, принявшего вид девушки-толстушки, неуклюжей танцовщицы. В ту ночь он понял, в чем его новое призвание. Понял, для чего ему дана колоссальная сила и крепость членов, ярость и неуязвимость в бою. Считал, что понял.

Охранять *ноктисов*, защищать Имена творцов от любых покушений.

Первый полноименный, к которому Иван явился с предложением стать его имяхранителем, восторга хоть и не выразил, но согласился сразу. Это был прославленный часовщик, изготавливавший чрезвычайной сложности брегет для члена монаршей семьи. Понятно, что терять Имя, не закончив столь важный труд, ему не хотелось.

«Плату назначите сами, – сказал полноименный. – Но условие одно. Когда я закончу эту вещь, исчезнете незамедлительно». Иван кивнул: «О чем речь?..»

Потом были другие клиенты, и все смотрели на него со смесью страха и гадливости. Однако он был надежен, обязателен, и ни один заключивший с ним договор полноименный не потерял своего *ноктиса*. Потому спрос на его услуги не уменьшался. Известность же росла. А с нею росло благосостояние. Сначала у Ивана и в мыслях не было брать за охрану Имен деньги. Он думал лишь об одном: оградить других от беды, настигшей его самого. Да только ни один полноименный не желал дармовых благодеяний от обломка. Расплачивались щедро, избыточно щедро. Для того, видно, чтобы было ясно: не за добро от чистого сердца платим, а поневоле откупаемся от мздоимца. Иван смирился.

У него появилась квартира в доме, занимаемом отнюдь не последними людьми города. Он нанял домработницу из колонов. Одеваться и обуваться стал исключительно в вещи, изготовленные на заказ. Он пользовался услугами самых дорогих гетер из древнейшего внутри

Пределов храма Цапли. Он стал значителен. Его узнавали на улицах. Полноименные предпочитали его услуги услугам прочих имяхранителей. Но все это было ему не нужно.

Он оставался обломком!

Пусть никто уже не осмеливался открыто назвать его так.

Оставался всего лишь обломком.

И вот сейчас появился крохотный, ненадежный шанс. Шанс, до сих пор никем не реализованный, кроме той Цапли. Шанс вернуть если не Имя, то хотя бы память об Имени. О себе.

* * *

...Иван дождался, пока Роб закончит абзац, и тяжело переступил с ноги на ногу, скрипя нув разошедшей половицей.

Плащ Имени опал, съезживаясь, и объявился уже белым кру-жевым жабо на плечах Роба.

– А, это вы... – Вымученная улыбка не выражала ничего, кроме плохо скрываемого раздражения. – Я-то думал, день еще не кончился, поработаю, думал...

Роб замялся, не решаясь спросить прямо, чего ради Иван явился в неурочное время. Да к тому же без приглашения.

– День еще не кончился, верно, – кивнул Иван. – Но мне нужна ваша по-мощь. И поговорить об этом лучше сейчас. Вызовите для меня человека с Земли. Врача.

– Как вы сказали? Вам нужен чел... человек извне?! Я не ослышался? Не предмет, не животное – человек?

Роб уже не улыбался. Он даже отступил, насколько позволило пространство между столом и ан-тикварным яхтенным штурвалом, стоящим у стены. В глазах его застыло отвращение. Словно Иван потребовал у него немедленно доставить свеженький труп для пожирания или соития. Было понятно, что Роб откажется. Откажется не только выполнить просьбу, а от услуг Ивана вообще.

В это время, вздохнув, точно большое животное, отворилась дверь. Иван скосил глаза. Тяжело ступая, в кабинет входила Мари. Высоченная суровая матрона с грубым темным лицом и руками, которым позавидовал бы иной кузнец или дровосек. Кормилица, домоправительница, кухарка и добрая заботливая тетушка в одном лице. Мари вынянчила Роба и выкормила собственным молоком. Взлелеяла, воспитала, почти не позволяя заниматься этим родителям. А сейчас сердцем почувствовала, что ее мальчику плохо, и явилась спасать.

Имяхранитель не стал терять на объяснения с кормилицей ни секунды. Просто вытянул в сторону Мари руку и встряхнул кистью. С руки полетело широкое деревянное кольцо-браслет, а за ним – возникшие ниоткуда темные капли. Капли слипались, сливались и разбухали на глазах. Через миг они образовали *водящего*.

Водящий, похожий на призрак взбесившегося кресла, которое обзавелось страшной клыкастой пастью и ярко-желтыми бельмами, дико мятущимися в глазных впадинах, прынул к женщине. Браслет он толкал перед собой, поочередно то правой, то левой ножками. Ивану некогда было придумывать что-то более изящное, и он воспользовался первым, на что пал взгляд. Форма оказалась удачной. *Водящий* действительно пугал.

Мари замерла. Тех, кто не умеет анимировать *водящих* самостоятельно, вид подвижных сгустков мрака вводит в ступор. Всякий знает, что *водящий* не опасен для живого существа. Что он годится лишь на то, чтобы катать или вращать что-нибудь круглое. Но отнюдь не всякий решится проверить на собственном опыте, так ли это. Мари не решалась.

«Кресло» бесновалось в шаге от нее и оглушительно щелкало зубами. Браслет, с гудением рассекая воздух, вертелся юлой.

– Прекратите это! – тонко и с каким-то горловым бульканьем выкрикнул Роб. – Все равно ничего вы этим не добьетесь! Я не стану участвовать в такой мерзости, как связь с внешним миром!

И тогда Иван, проклиная себя, пошел напролом.

– Роберт, славный вы мой, – с жутковатым придыханием пропел он. – Я жду от вас только положительного ответа. И никакого иного! Я попросту не уйду отсюда, пока не увижу подтверждения принятого заказа на вашей линзе. Да-да, дружище, придется оформить заявку прямо сейчас. Меня, сами понимаете, в миграционной коллегии и слушать не станут, зато вас... О, вам с радостью пойдут навстречу, потребуй вы извне хоть самого японского микадо для утонченного чаепития. А мне нужен всего-навсего врач. Всего-то, Роб... Подумайте, ведь это так милосердно – помочь душевнобольному, нуждающемуся в лечении.

Иван просительно улыбнулся и следом без паузы отчеканил, будто железо лязгнуло:

– Ну а если вы откажете, я своими руками на ваших глазах сделаю то, от чего обязался вас оберегать! Уничтожу вашего ноктиса. И через пару дней, максимум через неделю вы станете тем же, кто я есть сейчас. Клянусь, я это сделаю! Вводите заказ, не искушайте судьбу.

– Будь ты проклят, обломок, – тихо сказал Роб и потянулся к линзе.

* * *

Они пришли незадолго до полудня – четверо колонов, крепких и молчаливых, умело внесших громоздкий шкаф, и руководитель. О, это был настоящий инженерный гений с великолепным, полным энергии Именем. Оно окутывало голову инже-нера подобием шлема, топорщилось прозрачными антеннами, сложными оптическими устройствами и множеством прочих, совсем уж специфических, приспособлений. С Иваном полноименный поздоровался без малейшей неприязни, за руку, чем расположил к себе сразу и безоговорочно.

Безымянные установили ношу, куда указал Иван, и немедленно удалились. Инженер, назвавшийся Марком, воткнул разъемы переносной линзы-книжки в контактную гребенку на стенке шкафа. Жизнерадостно забарабанил по клавишам, вполголоса напевая популярную шансонетку. На поверхности его удивительного шлема змеились разряды, расцветали кляксы, с антенн срывались короткие яркие искры. Шкаф гудел – то басовито, то высоко, но всякий раз мелодично. Пахло озоном и почему-то свежей сдобой.

Иван втянул ноги на кресло и прикрыл глаза.

Примерно через полчаса Марк удовлетворенно хмыкнул, разомкнул контакты, сложил линзу и бережно убрал в небольшой металлический чемодан, выстеленный стеганым плюшем.

– Лифт готов к работе. – Инженер любовно хлопнул шкаф по стенке. – Все настройки я выполнил согласно заказу. Осталось только персонифицировать разрешение на доступ. После чего вы станете единственным человеком, способным его запустить.

– Единственным? Не чересчур ли это расточительно?

– Нет. Мы должны избегать любых недоразумений. А так надежно. Один владелец, один ответственный в случае чего. – Он усмехнулся. – Давайте займемся персонификацией.

– Что нужно делать? – встрепнулся Иван.

– Секундочку. – Марк щелкнул клавишей на боку лифта, и тот начал медленно усыхать, содрогаясь и темнея. Наконец на его месте осталась вертикальная густо-черная плита. Как будто твердая, с четкими гранями и плоскостями, она казалась в то же время состоящей из тягучей жидкости, которая лениво колыхалась и перетекала в границах, очерченных всеильным магом-геометром.

– Приложите ладонь, где вам удобнее, нажмите посильней, и дело сделано. Не бойтесь! – Инженер ободряюще улыбнулся, видя замешательство Ивана. – Вы даже ничего не почувствуете.

Иван приблизился, прикоснулся к поверхности плиты. Та была теплой, как камень, нагретый солнцем. Он осторожно нажал. Нажал сильнее. Рука медленно тонула, но имяхранитель действительно ничего не ощущал, кроме некоторого сопротивления вязкой «жидкости». Затем ладонь уперлась в твердую колючую поверхность.

– Достаточно, – кивнул Марк, – руку можете отнять.

Иван с усилием вытянул руку обратно. На коже не осталось никаких следов.

Плита между тем прекратила волшебную псевдожизнь и остекленела, сохранив на фасаде растопыренный пятипалый отпечаток.

– Когда понадобится заказанный человек оттуда, – инженер махнул рукой в неопределенном направлении, – приложите ладонь к отпечатку. Только и всего.

– И как скоро он прибудет?

– Да практически мгновенно. В считанные минуты.

– Позвольте, он что же, отныне будет обязан сидеть и ждать моего вызова постоянно? – изумился Иван.

– А хоть бы и так... заплатили-то ему более чем щедро, – нарочито безразличным тоном сказал Марк. – Ну, а, в общем, нет, конечно. Сидеть и ждать ему не придется. Просто за нас – искривление временных потоков, несоосность пространственных координат внутри Пределов и снаружи... И еще целая куча прочих условий. В общем, владейте, не комплексуя.

– Исчерпывающее объяснение, – вполголоса усмехнулся Иван.

Марку его усмешка почему-то не понравилась. Возможно, он был из этих – «молодых либералов». Борцов за равные права для всех и каждого, включая обломков и безымянных. Потому, наверное, и разговаривал с Иваном, как с человеком, а не *бывшим*. Вот и сейчас, не подумав отмахнуться, он принялся прохаживаться перед имяхранителем, вновь опустившимся в кресло, и терпеливо втолковывать, что подразумевал под несоосностью пространств, искривлением временных потоков и прочими условиями.

– Возьмем поезд, – предложил он. – Пусть это будет, к примеру, кольцевой экспресс. Ехать, пусть даже умозрительно, лучше с комфортом, согласны?

Иван кивнул. Против комфорта он не возражал.

– Представьте, что вы садитесь в кольцевой здесь, в Гелиополисе, и катите по маршруту, наслаждаясь великолепной мадерой, изумительным чаем и приятными беседами с достойными попутчиками и очаровательными попутчицами. При этом вы, разумеется, совершенно не заботитесь о выполнении расписания, целиком доверяя диспетчеру пути и машинисту. А они ваше доверие оправдывают. Поэтому, прибыв, секунда в секунду, предположим, в Лариссу, вы спокойно выходите на перрон, где и встречаете своего друга, с которым о встрече этой договорились заблаговременно. Положим, за неделю до отправления экспресса. Письмом или по телефону. Он, надо полагать, тоже всю эту неделю не торчал на вокзале, а подошел перед прибытием поезда. Встретившись, вы вовсе не удивляетесь тому, что он тут как тут, а прогуливаетесь, обсуждаете погоду, падение нравов у современной молодежи и другие злободневные темы. После чего расстаетесь, уговорившись встретиться опять, тогда-то и тогда-то. Вас ждет Пантеония – или куда вы там направляетесь? – а его хм... скажем, дама сердца и прогулка с ней на лодочке...

– Я бы не возражал поменяться с ним местами, – задумчиво сообщил Иван.

– Как и любой другой, – мимолетно улыбнулся Марк. – В работе лифта «Гея – Перас» (недопустимое в приличном обществе слово «Гея» он выговорил запросто) принцип тот же. Эффект «уговора, сделанного заранее», достигается за счет различного течения времени. «Встреча на перроне» является следствием взаимодействия систем пространственных координат, подвижных одна по отношению к другой. «Диспетчер пути» – ваш покорный слуга, «машинист» – микродаймон лифта. Сам лифт – это «вагон». Теперь понятно? – инженер бросил на Ивана испытующий взгляд.

Тот пожал плечами:

– Более-менее.

– То есть не все?

– Боюсь, я слишком неотесан, чтоб постичь все изящество этой теории.

– Простите великодушно, – Марк, поняв, что его болтовня утомила собеседника, торопливо засобиравшись. – Если позволите, я пойду. Вот инструкция по пользованию лифтом.

Он протянул трубчатый футляр со стандартным компакт-свитком для линзы. И ушел, насвистывая, оставив озадаченного Ивана наедине с черной плитой.

* * *

Доктор Карл Густав, едва прибыв, развил неистовую деятельность. Он обрушил на Ивана вихор тестов, анализов и медикаментов. Мял его тело пальцами и выстукивал молоточком. Заглядывал в рот и лез в душу. Показывал нелепые картинки-кляксы, требуя видеть в них что-либо осмысленное. Заставлял читать детские стишки и скороговорки, а также признаваться, любил ли Иван маленьким мальчиком играть со сверстницами «в лекаря», подглядывал ли за купающимися родителями и мочился ли в постель. Обломок и рад был ответить, но его прошлое смыло, будто прибрежное селение ураганом. Доктор вновь и вновь распинал Ивана на алтаре врачебного любопытства и тщательно препарировал с помощью самых жутких вопросов. Избегал он лишь одного. А именно – прямой встречи взглядов. Видимо, опасался заразиться безумием.

Медикаменты Ивану неожиданно помогли, после чего имяхранитель свято уверовал в их всемогущество. Зато настойчивые попытки доктора ввести его в гипнотический сон отвергал решительно. Пусть там, по слову доктора, с высокой вероятностью ждало исцеление, но Иван вдруг стал бояться пробуждения после гипноза.

Почему он выбрал именно эту профессию, потеряв Имя? Откуда у него взялись весьма специфические навыки не слишком миролюбивого свойства? Не был ли он прежде гением умерщвления? Разбоя? И стоит ли, в таком случае, возвращать прошлое, такое желанное еще недавно и такое пугающее своим вероятным воскрешением сейчас?

Кто может решить, имеет ли он на это право?

Вчера. День

Что-то тяжелое за окном громыhalo и лязгало металлически, и доктор долго смотрел на это нечто, смоля сигарету за сигаретой. Доктор был молод, моложе Ивана, брит наголо – до лакового блеска, но при том шеголял аккуратной бородкой-эспаньолкой. Эспаньолка, темно-русая, с рыжеватыми вкраплениями, словно штрихом мела делилась посередине обесцвеченной прядью. Это выглядело смешно, и потому казалось Ивану совершенно ненужным. Столь же ненужным казалось докторское пенсне с простыми стеклами, но в золотой оправе, которое Карл Густав поминутно снимал. Для того только, чтобы с каким-то необыкновенным ожесточением потереть пальцами уставшую переносицу. После чего пенсне неизменно возвращалось на прежнее место. «Ребячество», – думал Иван. Тем не менее, вне Пределов доктор считался очень недурным специалистом.

Ивана он звал почему-то Айвенгом, а себя, посмеиваясь и как бы предлагая собеседнику посмеяться вместе с ним – Карлом Густавом. Очевидно, этот псевдоним был из разряда говорящих. Но кому и о чем? Ивану он ничего не говорил. При взгляде на доктора ему неизменно вспоминалась старая детская считалка: «Карл Иваныч с длинным носом приходил ко мне с вопросом: как избавиться этот нос от того, чтоб он не рос?» Нос у доктора и вправду был длинен. И вопросов у Карла Густава накопилось множество. Он был, в общем-то, славным человеком.

Не нравилось в нем Ивану одно: гораздо чаще, чем можно, Карл Густав поминал черта. И курил тоже чаще, чем следовало бы.

В раскрытое окно прилетел камень, едва не попав доктору в голову. Тот неловко отскочил, наткнулся на стул, чертыхнулся и оторопело уставился на Ивана. Смущенно кашлянул, пытаясь тактично обратить внимание на свою неловкость. Снял пенсне, протер стекла носовым платком, мятым от частого пользования, водрузил обратно на нос и растерянно спросил:

– Айвен, дорогой мой, зачем вы вгоняете иглу в шею? Это же чертовски больно! Кроме того, очень малоэффективно. Нужно в мышцу, в мякоть! Лучше всего в ягодицу. Господи, да прекратите же, прошу вас!.. – не на шутку разволновался он.

Иван меланхолично отмахнулся: будет вам!

Доктор, однако, не унимался. Всплескивая руками, принялся что-то восклицать. Кажется, о категорически назревшей необходимости комплексного обследования. «Пользы от поверхностных осмотров, видит бог, немного, – кудахтал он. – Поэтому зря господин Айвен отказывается от клиники». И так далее.

Однако Иван его больше не слушал. Он плавно надавил на поршень шприца. Потом вырвал иглу, щелчком послал опустевший цилиндр в сторону и откинулся расслабленно на подушки. Вгонять иглу в шею было и вправду чудовищно больно, но Иван хотел этого сам. Боли. Больше боли. Так он мог ощутить себя живым человеком. Хотя бы так. Обычным живым человеком, способным на обычные человеческие чувства.

На боль, если ничто другое не доступно.

– Впрочем, делайте, что хотите, странный вы человек. – Доктор внезапно успокоился, чем сразу привлек внимание Ивана. – Вы мне вот что скажите, Айвен, какого черта там происходит? – Он ткнул бороденкой в сторону окна. – Дьявольщина какая-то... Я давно не дитя и человек абсолютно не суеверный, но мне по-настоящему страшно!

– Не ведая, что именно вас заинтересовало, объяснять не возьмусь, – сказал Иван чуточку шутливо. – Вставать же, чтобы посмотреть, поверьте, совсем не хочется. Впрочем, настоящей дьявольщиной там, на улице, могут быть лишь горги. Однако сейчас день, а горги – мерзость исключительно ночная, вроде упырей. Там, у себя дома вы знаете об упырях?

– Конечно, – отозвался доктор. – Упыри и вурдалаки. Вампиры. Нетопыри. Гробы, как постель. Осиновые колья и чеснок, как способ борьбы. И серебро, кажется. Или святая вода. Мифические кровопийцы. Я в них не верил даже малым ребенком.

– Мифические, говорите? Вам можно позавидовать, – Иван покачал головой.

И тут на него накатило. Один из «прорывов памяти» – тех невероятно реальных воспоминаний, что накатывались время от времени и всегда, всегда невпопад. Он почти воочию увидел...

...Белый, жесткий свет ртутных прожекторов, в котором предметы не имеют объема и цвета, только отбрасывают короткие угольно-черные тени. Захлебывающийся лай псов, увидавших дичь. Оружие, напоминающее трехрогие деревянные вилы, в его руках. Вилы длинные и крепкие, очень тяжелые и обильно просмоленные. В самых непредсказуемых местах ломается, бешено бьется тонкая человеческая (а человеческая ли?) фигура, пригвожденная его вилами к могильному холмику. Тот будто гигантским плугом распахан со стороны переломленного памятника. Полоса взрытой земли уходит вбок от могилы и, постепенно мелея, исчезает. Пронзенная вилами тварь воеет и воеет. Вой срывается на пронзительный, вибрирующий, сверлящий визг. От этого звука ломит в висках, текут слезы. Хочется все бросить, упасть на землю и затолкать, закопать голову поглубже... но – нельзя. И это «нельзя» хуже всего.

Иван налегает на рогатину всем весом, ворочает из стороны в сторону, шепча ругательства сквозь слезы. А когда вой внезапно прекращается, он слышит вскрик, полный нечеловеческой боли и ужаса. И оттого, что боль и ужас – нечеловеческие, становится понятно,

что кричит живой человек. Иван бросает рогатину и медленно оборачивается. Над телом, опрокинутым на фарфорово-белую колючую траву, раскорячились пауками два упыря. Упыри ритмично качаются вверх-вниз, будто совокупляясь с тем, опрокинутым. Крик, уже почти хрип, кажется, перекрывает все звуки, но Иван все-таки слышит отвратительный мокрый хруст и чавканье. Он делает шаг, другой. Ноги не слушаются, но Иван делает еще один шаг, самый последний, и его ошеломляет слепящий свет, хлынувшим отовсюду. Кажется, что все прожекторы облавы одновременно уставились на него. Но силуэты тварей, нависших над хрипящим несчастливцем, отпечатались на роговице глаз, должно быть, навечно. И значит, глаза Ивану больше не нужны, чтобы знать, куда надо бить, – и он бьет! В его кулаке зажат зуб от бороны. Старый, поржавевший, но очень надежный и очень острый. Иван попадает – и в первый раз и во второй. Струей бьет жуткое зловоние разложившегося трупа – почему-то горячее, словно пар из кипящего котла...

Когда отпустило – так же внезапно, как началось, – он с брезгливостью посмотрел на собственные руки. Чудилось, что гнилой костяк лопнул под кулаком только что. Иван поморщился и повторил:

– Да, вам можно только позавидовать... Так вот, последняя серьезная вспышка У-некротии случилась, когда **я** (он выделил «я» интонацией) был подростком. Поголовье упырей – самых настоящих, поверьте! – возросло катастрофически. И сократить его удалось далеко не сразу. Повоевали вдосталь. Под корень, может быть, не извели, но в обжитых местах они давно не появляются. А уничтожать упырей, между прочим, надежнее всего не осиною, а зубьями от бороны. Вбивая в затылок. Крайне, доложу я вам, непростое дело. Непростое и грязное. Сами можете представить.

Карл Густав, видимо, представил, причем весьма живо. Его так и перекосило, беднягу, от омерзения.

– Ну, а горги... – продолжал Иван неспешно, – горги – это действительно серьезно. Тому, кого они избрали жертвой, самостоятельно спастись нереально. Способ только: нанять меня. Однако горги страшны только обитателям мира внутри Пределов. Замечу, не всем подряд, но исключительно полноименным... – последние слова Иван произнес шепотом, прислушиваясь к себе, тяжело сглотнул, покачнулся... и сравнительно бодро продолжил: – Поэтому ума не приложу, что вас могло напугать?

– Это крышка, Айвен. Крышка от канализационного люка. – Карл Густав наклонился к самому лицу Ивана. От него пахло дорогим одеколоном и потом. – Она катится по кругу. Катится вот уже несколько минут и не падает. Словно кто-то управляет ее движением. Кажется, я видел что-то вроде человеческой тени, следующей за нею. И, кажется, она швырнула в меня камень, – прошептал он неуверенно. – Тень, Айвен. Повторюсь, мне становится здесь, у вас, неудобно. Жутковато даже.

– Катится? – Иван ловко выудил из кармана сталь-ной диск, хищным видом напоминающий небольшую тонкую фрезу или крупную часовую шестерню, и щелчком послал его на середину журнального столика. – Вот так?

Диск, вращаясь довольно лениво, загрохотал зубчат-тым венцом по толстому зеленоватому стеклу и принялся описывать широкие круги.

– Или так?

За первым диском последовал второй. Он катился чуть быстрее и невысоко подпрыгивал на невидимых ухабах. С зубчаток слетали темно-туманные брызги, слипались в неясные клочковатые фигурки, наподобие человеческих. Туманные человечки бежали следом за дисками, вскакивали на них верхом, падали, кувыркались и, возможно, строили людям рожи.

Вначале доктор как замороженный следил за представлением. Но постепенно его лицо приобрело вид брезгливый и недовольный. Иван стиснул зубы и закрыл глаза.

«Можно биться об заклад, сейчас он спросит, где я, черт возьми, прячу магниты и зеркала», – подумал он.

– Интересно, где вы, черт возьми, прячете магниты?.. – Карл Густав заглянул под стол. – А эти... ну, призрачные фигурки? Дело, конечно, в зеркалах и каком-нибудь проекторе?

Иван фыркнул.

Не понимая, отчего пациент развеселился, доктор надулся. Проворчав: «Чертовы фокусы, терпеть их не могу», Карл Густав подхватил чугунный подсвечник в виде корявой сосны и смахнул сверкающие диски на пол. Потом присел на краешек стола, закинул ногу на ногу.

Туманные человечки спрыгнули следом за дисками и, словно обидевшись на столь грубое обращение, стали совсем прозрачными, почти невидимыми. Зубчатые «пятаки» тут же покатились вокруг начищенного докторского башмака.

– Ну, так что, Айвен? Может быть, прямо сейчас мы с вами и приступим к гипнозу? – Доктор сделался вдруг необыкновенно серьезным и вопросительно посмотрел на пациента.

Тут наконец подействовала инъекция. Ивана захлестнуло волной довольства и ватной неги, стало кло–нить в сон.

– Уходите, доктор, – негромко, но твердо отчеканил Иван. – Спасибо за заботу, огромное спасибо за лекар–ство... но уходите скорей. Мне сейчас необходимо остаться од–ному.

– Что значит «уходите»? – возразил Карл Густав почти раздраженно. – Мне, знаете ли, чертовски надоели полумеры! Таблеточки, укольчики... Пора начинать лече–ние по–настоящему. И не упирайтесь вы, черт вас забери совсем! Я понимаю, вы, должно быть, потеряли в прошлом кого–то, кто был вам до–рог. Вероятно, вините в этом себя. Не желаете беречь старую рану... – он покачал длинным пальцем перед Ивановым носом. – Но ведь она не заживет, пока мы не вскрыем нарыв. Уж поверьте моему опыту. И сейчас для этого самое время. Я готов выслушать вас. Вас, Айвен, а не тот выводок химер, что свил гнездышко в вашем сознании. Выслушать, чтобы увидеть корни вашей... гм... ипохондрии. И не прогонять меня надо, а спешить ко мне с распростертыми объятиями. – Доктор ворковал и мурлыкал, словно огромный кот Баюн.

Иван выбросил вперед левую руку, схватил его за плечо. Встряхнул.

– Уходите, говорю я вам, – просипел он (горло пересохло – побочное действие лекарства, доктор предупреждал об этом). – Убирайтесь к вашему разлюбозному черту, куда хотите, но только оставьте меня одного! Я просил у вас «химию», вы мне ее дали. Земной вам за это поклон. А теперь – прочь из моего дома!

Иван вскочил и двинулся к массивному шкафу красного дерева, занимающему добрую четверть кабинета. Карл Густав поневоле семенил следом. Распахнув толстую, точно у сейфа, дверь, Иван втолкнул доктора в сияющее рубиновыми отсветами нутро. Оказалось, что шкаф – всего лишь тамбур перед узким и низким багровым коридором, наклонно уходящим книзу. Едва ли не в самую преисподнюю.

– Прощайте! Когда лекарство закончится, я вызову вас.

Доктор, возмущенно бормоча, оглядываясь и поглаживая измятое плечо, двинулся вглубь. Иван тут же захлопнул за ним дверь и кулаком ударил по клавише на боковой стенке шкафа. Послышался сухой треск, и шкаф с хлопком сложился, мгновенно пре–вратившись в тонкую плиту, блестящую полированным антрацитом. Центр плиты украшала глубокая вмятина в виде отпечатка огромной человеческой ладони. Линии на ней были точно такими, как на ладони Ивана.

Он ничком повалился на пол. Проклятая пыль внутри го–ловы вновь пришла в движение. Закрыв глаза, Иван утробно замычал.

Зубчатые диски, шурша, рисовали вокруг него замкнутую кривую. Контур его распростертого тела.

Вчера. Ранний вечер

Гитара немелодично брэнчала – две струны были уже порваны. Смесь из «Зубровки» и шести пилюль Карла Густава огнем полыхала в желудке, сводила судорогой немеющие пальцы. Иван не мог остановиться, выплевывая новые и новые куплеты, раз от разу все более разухабистые. Цапля заливисто хохотала, под-хватывая в самых предсказуемых местах незнакомые строчки.

Он вдруг отбросил жалобно звякнувший инструмент и протянул пальцы, скрюченные, будто рачьи клешни, к тонкой девичьей шее. Начал сжимать, опомнился, отпустил и толкнул душно кашляющую Цаплю на ку-шетку. Девушка съежилась, прикрываясь от вспышки его гнева подушкой-думкой, словно фиговым листочком. Иван тупо глядел на нее, сжимая и разжимая пудовые ку-лаки. Почти год прошел с тех пор, как она дала ему надежду – этот неожиданный подарок, который казался тогда императорским... а чем обернулся? Поистине, императорские подарки стоят куда дороже, чем оцениваются. И платить за них приходится тому, кому дарят.

Кулаки разжались, накатили злые пьяные слезы. Цапля, еще мгновение назад ждавшая смерти от взбешенного хозяина-клиента, обхватила его вздрагивающие плечи и принялась что-то шептать, плененная вековечной женской жалостью к плачущему мужику. Ее руки были нежны, голос – певуч, а *умение* предугадывать и воплощать – безупречным.

Иван успокоился и протрезвел. Молча помог девушке собрать вещи, проводил со двора и долго смотрел вослед точеному силуэту, кроша пальцами бетонное кольцо за-бора. *Цапля была не та*. Он ошибся. Да хоть бы и та, – убивать ее?! За что? За призрачную, так и не сбывшуюся надежду? О, Фанес всеблагой! Похоже, химеры, обна-руженные доктором в сознании Ивана, не желали уступать уютное гнездо никому. И готовы были бороться за его сохран-ность, не выбирая методов...

Проходя мимо крышки, все так же кружащейся по брусчатке двора, Иван не удержался и с чувством ее пнул. Крышка, вихляя, покатила к люку, со зво-ном повалилась и замерла в строгом соответствии с предусмотр-ренным для нее местом. *Водящий* тут же распался на тонкие хлопья. Хлопья, истаивая, распадаясь ажурными чешуйками, медленно поплыли вверх.

Внутри Пределов создавать *водящих* для собственных нужд умеют многие одноименные. Даже некоторые обломки. Творцы – тем паче.

Иван удовлетворенно хмыкнул, задрал голову и подмигнул стоящему на балконе второго этажа мальчишке Говарду. Бесспорному полноименному. Говард показал ему язык и скрылся в комнате. Наверное, придумывать страшную историю про демонов из канализации.

Имя мальчишки каучуковым черно-белым мячиком поскакало следом.

Вчера. Поздний вечер

– Сегодня идем к океану! – заявил подопечный ноктис (Иван, по шуточной просьбе Роба, величал его обычно сэром Льюисом), нетерпеливо топ-тавший в компании стальных гигантов. – Роб дрыхнет уже полчаса, где ты бродишь?!

– Хорошо, идем к океану, – с готовностью согласился Иван, прижимаясь к резному косяку, чтобы про-пустить хрупкую фигурку. Странно, однако, девять месяцев назад Роб так и не разорвал контракта с имяхранителем. Наверное, рукопись, над которой он работал, была ему действительно очень важна, и гибель Имени стала бы смертельной трагедией.

Ноктис, не оборачиваясь, полетел вниз по улице, полого уходящей к приморским райо-нам. Иван при-пустил следом, несколькими прыжками догнал и легко понесся ря-дом, зорко поглядывая по сторонам. Имяхранитель почти физически ощущал, как сэр Льюис – Имя Роба,

обретшее ночную самостоятельность – впитывает жизненно необходимую ему энергию лунного света.

Запахи и звуки океана становились все ощутимее, когда Иван начал замедлять бег, придерживая рукой своего неугомимого спутника. Что-то предстояло, он почувствовал это. Не им, кому-то другому... но близко, отчаянно близко от них.

Над головой плавно пронеслись две крупные тени. Грифы знали наверняка то, о чем имяхранитель только догадывался. Иван остановился и завертел головой, пытаясь сообразить, откуда ждать опасности. Сэр Льюис, пытаясь, норовил освободиться от железной хватки хранителя. Физических силенок для этого у него было ма-ловато, а прочие при плотном контакте не годились.

– Отпущу, если пообещаешь не отходить дальше, чем на шаг, – бросил Иван.

Сэр Льюис мотнул головой в знак согласия с предложенной за свободу ценой. Ивана это более чем устраивало – слово ноктиса не-рушимо, а две руки в случае вероятной стычки значительно лучше, чем одна.

Недалекий свистящий вскрик, хоть и ожидался им, все равно заставил вздрогнуть. Место гибели очередного Имени оказалось совсем близко.

Вскоре послышался не-громкий стук когтей по брусчатке. Затем показался и их об-лада-тель. Крупный белоснежный пес бежал как бы с ленцой, но очень и очень ходко. Роскошная шерсть, бле-стящая отраженным лунным светом, мела камни мостовой. Хвост пушистым серпом загибался вверх, мерно раскачиваясь в такт движению. Из длинной полуоткрытой пасти вырывались серебри-сто-серые облачка пара, которых попросту не должно быть в теплом и влажном приморском воздухе.

Иван вытряхнул кистень из рукава. Рубчатая шишка, отлитая из белой бронзы, выпала вместе с цепью, мимоходом ударив по запястью. Обмотанная ремешком рукоятка удобно уместилась в ла-дони. Иван привычно качнул смертоносный груз и шагнул вперед на напряженных ногах.

Пса, однако, не интересовала схватка с хранителем за под-защитного ноктиса. Да и не пес это был вовсе, – горг. А горги, сколь благородно ни выглядят, благородством не отличаются. Или – стаей на одинокую жертву, или – пас. Они не бойцы. Убийцы.

Алчущий своей доли крови, горг элегантно изменил траекторию движения и увеличил скорость. Это все равно не по-могло бы, реши имяхранитель покончить с ним, но Иван остался на месте. Уже слишком поздно. Этот – лишь опоздавший к казни зе-вака, которому если что-то и достанется, так только сладковатый запах смерти. Да зрелище сытых морд палачей.

Иван коротко, не желая обнаружить интереса, глянул вслед горгу. Но провести сэра Льюиса, который был любопытен и желал знать все, не удалось.

– Куда побежала эта собака?

– На свой собачий пир, – резко ответил Иван. Он был вовсе не склонен обсуждать с ноктисом подробности происходящего в ночном дворе.

– Ты видел, какие у нее клыки?! – воскликнул сэр Льюис восхищенно. – Навер-ное, на таком пиру клочья летят до небес? Идем, я хочу взглянуть на это. – Он потянул Ивана за штанину своими полу-прозрачными пальчиками. – Ну же, хранитель!

– Что ж, дружок, ты сам этого хотел, – буркнул Иван.

Пиршество шло, и клочья летели.

Крупные обрывки погибшего Имени кус-ками зеркального шелка взмывали ввысь, чтобы исчез-нуть в клювах грифов. Мелкие разлетались брызгами ртутных капель и тоже исчезали в клювах пернатых падальщиков, но калибром поуже – воробьев, синиц и редких, зато проворных галок. Многоголосый птичий гомон придавал зловещей сцене мелочность пья-ной кухонной склоки. И только молчаливая сосредото-ченность горгов обращала плотоядный балаган в нечто иное, гораздо более трагичное и страшное. Горги вырывали огромные куски

из тела жертвы, потерявшей человекообразные очертания и больше всего похожей сейчас на огромный кокон. Вырванные куски сначала разворачивались просторными полотнищами, блистающими в лунном свете, а затем, свернувшись в подобие тускнеющей воронки, стекали в задранные пасти.

Расправа закончилась в считанные минуты. Горги вскинули головы к небу и разом торжественно взвыли. Морды сияли, словно вымазанные фосфором, сияние сбегало по клыкам, чтобы сорваться с них мгновенно и без следа тающими искрами.

Иван отвернулся и быстрым шагом двинулся вниз по улице, навстречу плеску и шипению волн. Сэр Льюис вприпрыжку бежал следом – десятилетний мальчишка, возбужденный страшной сказкой (всего лишь сказкой, слава милостивому Фанесу!), разыгранной для него костюмированными актерами. И ничего, ничего нельзя с этим поделать! Весь мир для ноктиса лишь спектакль, не более. До тех пор, пока на нежном тельце не сомкнутся смертоносные челюсти горгов.

Босые ступни (на работе имяхранитель предпочитал обходиться минимумом одежды, а обувь игнорировал вовсе) ощутили влагу прибрежного песка. Иван сделал несколько шагов навстречу океану, ничком рухнул в него, взметнув два огромных водяных крыла. А сэр Льюис, решив, что наконец-то пришла пора дурачиться, радостно за визжал, подпрыгнул и завис в воздухе, превратившись в китайский бумажный фонарик с трепетной свечой внутри.

Когда рожденные недостатком воздуха огненные мурашки добежали до самого копчика, Иван медленно поднялся на четвереньки и, глядя в темную даль сквозь струи стекающей с волос воды, шепнул: «Завтра. Будет тебе гипноз, Карл Иванович».

Сегодня. Утро

Рука ощутила привычное покалывание. Выждав положенное время, Иван поспешно ее отдернул. Он вовсе не желал получить разряд, предупреждающий о запуске лифта. Дохнуло сухим воздухом, и шкаф вернул полный объем. Из него тут же выкатился улыбающийся Карл Густав. Вскричал с порога:

– Давненько мы с вами не встретились. Никак забывать стали старика?

«Почему старика, – недоуменно подумал Иван, – ему же и тридцати нет?»

– Или на поправку пошли? – продолжал жизнерадостно наседать доктор. – А может, квалификация моя не подходит, не Фрейд все-таки? – Голос его дрогнул. Похоже, обида на вчерашнее грубое изгнание пустила-таки корешок в фундамент его профессионализма.

– Для меня не прошло и суток, – пожал Иван плечом. – Я готов, доктор, можете начинать свой гипноз.

– Наконец-то, – сказал Карл Густав.

...Алмазная бусина сверкала гранями, вращаясь. Сверкало фальшивое пенсне, скрывая докторский взгляд, сверкала бритая докторская макушка. Карл Густав монотонно шелестел о покое. Иван закрыл отяжелевшие веки.

* * *

Доктор с любопытством смотрел на него, теребя нижнюю губу. Заметив, что Иван очнулся, он неуверенно улыбнулся и сказал, замявшись:

– Я признаться, не ожидал, что все получится так скоро и так... кхм... впечатляюще успешно. Вы очень восприимчивы к гипнозу. Прямо-таки фантастически. Странно, что он здесь не практикуется. Да, странно. Знаете что, Айвен... Думаю, мои услуги вам больше не понадобятся. Да, не понадобятся. – Он вздохнул. – Пойду я, – сказал он, снова вздохнул и направился к лифту.

Он шел сквозь мерцание возвращающегося Имени. Золотые нити Имени, подобно сахарной вате, ткались прямо из воздуха и стягивались к Ивану. Блестящий череп доктора отражал их свет, и казалось, что голова его постепенно оплетается драгоценною сканью. На пороге, между нереальным «там» и еще более нереальным «здесь», он обернулся и голосом, дрожащим от волнения, прошептал:

– Чертовски рад, что это сделал именно я. Прощайте!

Сегодня. Вечер

Иван сидел, протянув озябшие голые ступни к камину, смотрел на бестолковое кружение снежинок за окном и потягивал из широкого бокала «Красный камень». Он мечтал о собаке.

«Это будет настоящий сеттер. Ирландец, конечно, – думал он. – Я буду сидеть вот так же, как сейчас, его славная башка будет лежать у меня на коленях, а умные глаза будут смотреть из-под приподнятых бровей преданно и немного иронично».

Тренькнул звоночек. Иван прикоснулся пальцем к линзе, включая связь. Линза мигнула и прояснилась.

Это был Роб. Он широко улыбался, бурно, слегка неверно жестикулировал и вообще – выглядел предельно счастливым. И пьяненьким.

– Я наконец-то закончил рукопись! – забыв поздороваться, заорал он, размахивая бутылкой шампанского. – Вы пьете, я вижу? Это очень, очень кстати! Я тоже пью! И буду пить всю ночь! Прочтите, молю! Прочтите хоть главу! Да хоть пару страниц, и вы не сможете оторваться! А впрочем, пейте, успеете еще прочесть. Но пейте за нее, мою книгу! За нашу, нашу книгу... Или лучше идите ко мне и станемте пить вместе! – Он заложил ладонь за голову и пустился в бешеный неуклюжий пляс, горланя: – Пятнадцать человек йо-хо-хо, йо-хо-хо! И бутылка рому... Или шампузо...

Потом Роб резко замер в нелепой позе, расхохотался и, усевшись на пол, принялся призывать Ивана ко всяческим видам пьянства. Он занимался этим до тех пор, пока его не уволокла куда-то пара веселых и совсем еще молоденьких девчонок.

Связь разорвалась.

Значок новой книги Роба, возникший в центре линзы, изображал одноногого и одноглазого моряка, широко размахивающего побитым картечью «Веселым Роджером». Флагштоком боевому пиратскому знамени служил костыль старого морского волка. Внешность у воинственного дедушки-матроса была самая живодерская, но вместе с тем – невероятно благообразная. Как удалось художнику совместить крайности, Иван не понимал совершенно. Наверняка тот был из полноименных высочайшей пробы. «Вот бы с кем познакомиться», – с долей профессионального интереса подумал Иван.

Допив одним глотком остатки вина, он последовал совету Роба и с головой погрузился в мир скрипящей парусной оснастки, тропических островов, таящих несметные сокровища, и зловещих пиратов, готовых ради этих сокровищ на самые страшные злодеяния. Книга была, без сомнения, детской, но настолько увлекательной, что Иван оторвался от линзы уже близко к ночи – лишь оттого, что начали уставать глаза.

Он встал, попрыгал, разминая затекшие ноги, и направился к выходу. Решил, что надо поздравить Роба вживую. Тем более, девчонки у него гостят – очень даже ничего. Однако замер на полпути к двери и проговорил в изумлении:

– Это еще что за притча?

Плита лифта оживала. Сама, безо всякого повода. Она мелко, с комариным писком завибрировала, на ней выступила обильная испарина. Плита побледнела и моментально стала прозрачной. Влага собиралась в ручейки и стекала на пол, а поверхность плиты, дергаясь, начала

принимать форму человеческого тела. В глубине проступил искаженный скелет, словно набросанный рукой душевнобольного или художника-авангардиста.

Входная дверь распахнулась от сокрушительного удара. В комнату влетели два огромных горга. Сходу опрокинули Ивана на пол. Перепрыгнули через него и заняли места по бокам от прозрачного человека.

Рефлекс имяхранителя на появление белоснежных монстров сработал безукоризненно. Иван еще лежал, а зубчатые диски, пущенные его рукой, уже настигли свои жертвы. Первая фреза подрубила заднюю лапу левому горгу. Тот, жалобно взвизгнув, осел в лужицу собственной перламутровой крови. Вторая – выбила глаз другому зверю и ушла в глубь головы, рассекая зубчаткой содержимое. Горг повалился на бок, скребя лапами по клыкастой морде.

Иван дернул из рукава халата кистень. Бросился вперед, замахнулся для убийственного удара, но увяз в воздухе, ставшем вдруг резиновым. Безрезультатно напрягая бугрящиеся мышцы, имяхранитель замер.

Прозрачный человек принял вид румяного паренька с пшеничными кудрями до колен и нежным пушком над верхней губой и на подбородке. Был он наг, плечи его были остры и приподняты, ключицы выпирали углами. Вся его фигура несла отпечаток женственности – лицо, грудь и бедра. Адамово яблоко, кажется, отсутствовало вовсе. Впрочем, все то, что отличает мужчину, у него имелось. И в размерах, самых замечательных.

Он посмотрел на Ивана и предложил:

– Сядь.

Напряжение ушло, будто его не было вовсе. Пальцы разжались, кистень вывалился, а ноги подкосились, уронив имяхранителя в невесть откуда взявшееся кресло.

Горги зашевелились. Левый принялся слизывать с пола собственную кровь, стоя на трех конечностях и тряся культей четвертой. Отрубленная лапа отрастала буквально на глазах. Правый зверь уселся на хвост и обратил на Ивана глазницу, зияющую бескровной пустотой. Живой глаз смотрел не менее безразлично.

– Говорить не надо, просто слушай. – Нагой юноша перебирал пальцами шерсть на загривках лунных псов. – Тебе больше нечего делать внутри Пределов, Иван. Тебе давно нечего здесь делать. С тех самых пор, как мои звери почуяли, что ты созрел для перехода во Внешний мир, и отняли у тебя ноктиса. Шагни ты тогда в окно, не было бы нужды в сегодняшнем спектакле. Ведь для полноценного смерть здесь равна возрождению там. – Юноша загрустил. – Признаюсь, не верил, что ты сможешь вернуть Имя... Хочется надеяться, что твой подвиг не будет повторен. Никем. Никогда. Прощай!

Он ушел, как обычный человек – через дверь, сопровождаемый своими демоническими зверями, и отблескивающие перламутром фрезы, постукивая, катились за ними следом.

* * *

С кресла вставать не хотелось. Да, наверное, и не получилось бы. Истома повелительно разливалась по расслабленному телу, веки смыкались.

«Интересно, кто это был? – думал Иван. – Неужели Скользящий вдоль Пределов? Но ведь он всего лишь персонаж легенды, волшебной сказочки для малышей и одноименных... Но если Скользящий – легенда, тогда кто? Сам Фанес? Кто был он, этот гость полночный?..»

Иван не то нырнул куда-то, не то вознесся. Его, невесомого, повлекло сквозь клубящиеся облака в яркий голубой зенит. Или в сияющую бездну? Слова рождались сами и порхали, порхали вокруг радужными птицами и рыбами:

Кто был он, этот полуночный
Незримый гость? Откуда он

Ко мне приходит в час урочный
Через сугробы под балкон?
Иль он узнал, что я тоскую,
Что я один? Что в дом ко мне
Лишь снег да небо в ночь немую
Глядят из сада при луне?¹

Зенит рванулся навстречу и ослепил, заставил плотно сжать веки. Дыхание прервалось на тягуче долгий миг, а когда вернулось, воздух больно обжег расправляющиеся легкие. Иван непроизвольно вскрикнул – и не узнал своего голоса. Пытался шевельнуться, но только бес толково задергал непослушными конечностями. Раскрыл глаза и ужаснулся: над ним склонялись гигантские человеческие лица, с грохотом извергающие непонятные звуки. Он еще раз попытался сделать хоть что-нибудь. Результат – обидно, бездарно малый так потряс его, что он снова закричал, заплакал, вздрагивая озябшим тельцем – и плакал, пока не уткнулся лицом в восхитительно теплое и ароматное, живое и бесконечно родное...

* * *

Иван услышал голос. Голос шел издалека, но был громок, а звучал требовательно: – Сейчас я сосчитаю до трех, и вы проснетесь. На счет три. Один. Два. Три! Просыпайтесь, Айвен!

Он открыл глаза. Доктор смотрел на него испытующе и немного опасливо. Иван обвел взглядом комнату. Увы, возвращение Имени ему только приснилось. А также Скользящий с его горгами, Роб с девчонками, снегопад. Приснились чьи-то печальные и прекрасные стихи, лазурная бездна, материнская грудь. Все лишь приснилось. Гипноз, черт его задери.

Интересно, пошел ли гипнотический сон на пользу?

«Если нет, Карлу Густаву несдобровать», – подумал Иван и поднялся с кресла.

Тело было послушным, по-прежнему мощным и полным сил. Имяхранитель подошел к окну и распахнул створки. Не обращая внимания на предостерегающий вскрик Карла Густава, перегнулся через подоконник. Находился так около минуты, затем выпрямился и расхохотался.

Брусчатка больше не звала его. Ему не хотелось умереть. Ему хотелось... Хотелось завалять Цаплю, а может, двух зараз. Хорошенько поесть. Выпить, разумеется. «Красного камня» или просто водки. Даже рому. Бутылку контрабандного ямайского, йо-хо-хо! Отколоть какое-нибудь дикое коленце. Вприсядку пойти, что ли? Доктора расцеловать. На мгновение у него мелькнула мысль, что сейчас, одолеваемый желанием бесновато радоваться обыкновенным вещам, он выглядит сумасшедшим больше, чем когда-либо раньше. Мелькнула – и пропала.

Прямо с места он исполнил сальто назад. Подскочил к Карлу Густаву, сгреб в охапку и понес, закружил по комнате, продолжая хохотать. Доктор сдавленно попискивал о том, что торжествовать рановато. Что даже при столь очевидном положительном результате одного сеанса явно недостаточно.

Но заметно – был доволен.

– Слушай, дорогой ты мой Карлуша! – воскликнул Иван, опуская его на пол. – А ведь ты вылечил меня, блестящая твоя талантливая голова! И сейчас мы станем пить за это! И еще пригласим девок. Не отпирайся, сударь, не смей отпираться! Я больше не хочу сдохнуть, Карл ты мой Иваныч с длинным носом. Это же чудесно, Карл ты мой Густавыч! Что-что? Знаешь сам? Да ничего ты не знаешь! Где тебе, пускай даже лучшему в двух мирах специалисту по

¹ И. Бунин

сдвинутым мозгам, знать это? Ведь ты никогда не гнил в депрессии... но ты уж поверь мне. Я не лгу, клянусь!

Имяхранитель хлопнул рукой по груди. Раздался долгий низкий гул. Звук этот привел Ивана в еще лучшее расположение духа. Он хлопнул снова, кулаком. С видимым удовольствием прислушался, наклонив голову к плечу.

– Это чудесно! – повторил он. – И это необходимо отпраздновать. Беспременно, спешно и широко. И мы это отпразднуем. Так отпразднуем, что... Эх! Я напою тебя до положения не только риз, но и самого лица. А еще ты будешь ругаться у меня сегодня как матрос, петь, свистеть и ловить девок за мягкие места. Молчи! – вскричал Иван, видя, что доктор собирается раскрыть рот. И добавил чуть спокойней, но все так же напористо: – Пока – помолчи.

БЕТА

...Принято считать, будто мир внутри Пределов был заселен задолго до Вавилонского столпотворения. Не исключено, и даже скорей всего. Основным доказательством может считаться тот факт, что перионы великолепно понимают абсолютно все земные языки. Без исключения. А также свободно говорят на любом из них, находя при этом, что пользуются только и единственно языком собственным, если угодно, адамическим. Крошечное чудо. Впечатляющее и необъяснимое, как всякое уважающее себя чудо. Одно из многих и многих внутри Пределов. Впрочем, его место далеко от дюжины ошеломительных чудес-лидеров, речь о которых впереди.

Раса преобладает белая, но признаки, определяющие во Внешнем мире национальную принадлежность, перепутаны и перемешаны весьма прихотливо. Вот портрет среднего периона: золотисто-оливковая кожа уроженца европейского юга, светло-русые вьющиеся волосы северянина, черты лица – различные, цвет глаз – какой угодно. Телосложение – от воспетого античными скульпторами совершенства до отвратительного уродства варварских кумиров. Словом, перионы – люди как люди. В сутолке современного европейского города они оказались бы, пожалуй, незамеченными. И, кстати говоря, оказываются! Нужно заметить, что туризм за границы Пределов популярен чрезвычайно. Заказан лишь обмен делегациями. Впускать в собственный дом пришельцев перионы считают невозможным. От нарушителей этого неписаного «закона негостеприимства» отворачиваются.

И все-таки жители Пераса различаются меж собой. Причем, кардинально.

Нет, не расово. И даже не имущественно. Они различаются видовой принадлежностью, считающейся принадлежностью кастовой.

Каст всего три.

Полноименные, которых значительно менее одного процента от общего населения. С точки зрения земного человека – это поразительные создания. Во-первых, они более чем щедро наделены даром творчества. Без преувеличения их можно считать гениями в той или иной области, а иногда и в нескольких сразу. Во-вторых, каждый из этих гениев нерасторжимо связан с Именем творца. Трудно судить, чем является Имя избранника на самом деле. Оно видимо, но бесплотно. Днями Имя парит над полноименным, ночами уходит в долгие прогулки. То ли это бес, который даже не считает нужным скрывать свой облик, облекая плечи и голову пожизненного раба изменчивой тенью. То ли муза или зримый ангел, осенивший святого. А то и вовсе какой-то экзотический паразит, покидающий хозяина лишь в лунные ночи. Существо, сошедшее с плеч полноименного, способно принимать почти любой облик, однако предпочитает всем прочим человеческий. Притом оно чрезвычайно нежно и крайне уязвимо. Зовется такое существо *ноктисом*. Прозвание же несчастливца, потерявшего симбионта-наездника – *обломок*. В этом слове скрыто высочайшее внутри Пределов презрение. Посему гибель ноктиса нередко влечет за собой самоубийство «осиротевшего» полноименного.

Одноименные составляют абсолютное большинство населения, что-то около семидесяти процентов. Это самые обычные люди, такие, как вы и мы. Побогаче и победней, умные и глупые, жадные и щедрые, аристократы от веку и мещане, не помнящие имени прадедов. Рассказывать о них можно бесконечно, поэтому лучше промолчать. Следует лишь отметить, что бывали в истории Пераса периоды, когда одноименные по разным причинам воображали, что могут легко обойтись без владельцев Имен. И тут же тем или иным способом избавлялись от «эксплуататоров». Например, попросту уравнивали с собой во всем. Обрекали на «общий труд». Или даже уничтожали. Последствия всегда – всегда! – были катастрофическими. Восстанавливать *status quo* приходилось долго, терпеливо и бережно. Полноименные – не кролики и не дрозофилы, чтобы быстро плодиться.

И, наконец, *безымянные*. Иначе, колонны. Это недочеловеки с кретинической (в медицинском смысле) внешностью и интеллектом несколько большим, чем у шимпанзе. Практически, животные. Иногда к ним даже применяется термин «поголовье». Никого внутри Пределов не ужасает высказывание наподобие следующего: «...поголовье безымянных за последний год значительно возросло, превысив лимиты. Вероятно, будут применены самые жесткие меры по ограничению рождаемости». Колонны с рождения до смерти находятся во владении государства (в настоящее время – императора) и могут арендоваться состоятельными гражданами для различных нужд. Используются чаще всего для несложных, но физически тяжелых, утомительно монотонных или грязных работ. Арендатор обязуется кормить и одевать безымянных, предоставлять жилье, не препятствовать отправлению религиозных потребностей. Не продавать их, не разъединять семьи и проч. Жестокое обращение с колоннами, если о нем становится известно, строжайше наказывается.

Впрочем, мы должны еще раз отметить, что приведенные сведения дают лишь самое поверхностное изображение перасского общества. Полная картина слишком сложна, чтобы нарисовать ее столь скупыми мазками. Да авторы настоящего труда и не ставили перед собою подобной задачи...

(*М. Маклай, М. Поло. «Стоя у границ безграничного»*)

ФЛАМБЕРГИ

*Временами встречаются формы клинков,
родившиеся скорей из фантастических
видений, нежели из практических соображений.
Их... называют пламенеющими.*

Вендален Бехайм

ГЕЛИОПОЛИС – АРИН

Около года назад...

На рекламу этого оружейного магазина («Эспадон»² – все, что нужно настоящему мужчине) Иван наткнулся совершенно случайно. И запомнил с первого раза. Да и мудрено было не запомнить. Рекламная тумба представляла собой большую овальную линзу из полированного стекла, внутри которой жило (иначе не скажешь) объемное изображение. Оно сразило Ивана наповал.

Дорогая вещь – подобные тумбы. Встречаются они нечасто, употребляются по преимуществу для государственно-пропагандистских целей. В них размещают классические агитки. Такие, как: «Люби своего Государя!» (парадный портрет монарха при регалиях или же домашний, на прогулке). «Чти Конституцию!» (гвардеец и рыбак, обнявшись за плечи, штудируют книжицу в синем сафьяне с золотым обрезаем). «Уважай труд колонов!» (землекоп-безымянный с лицом туповатым, но открытым, хохочет, сидя на краю глубокой траншеи; в террикон выбранной земли воткнут блистающий заступ). И прочее в том же побудительно-патриотическом духе. Лишь самые крупные торговцы могут позволить себе использовать для завлечения покупателей чудо-витрину. Те же, что помельче, довольствуются арендой. Снимают тумбу на неделю-другую, зачастую в складчину.

Магазин для настоящих мужчин «Эспадон» принадлежал далеко не бедняку. Иван проторчал перед тумбой битый час, однако изображение не сменилось. Уходил он, вздыхая и оборачиваясь, с разбитым вдребезги сердцем. А внутри линзы осталось чудо. Чудо выглядело как невыразимо соблазнительная дева-воительница в ажурной золотой кольчуге. Кольчуга ничего девичьего, как будто, не скрывала. Но ничего, опять же, и не открывала явно. Толстенные косы падали воительнице на грудь (о, эта грудь!), талию, наверное, можно было обхватить кольцом из пальцев. Девушка опиралась на громадный двуручный меч с затейливой чеканкой по клинку и богатым эфесом. Приоткрытое гладкое колено, контрастируя с грозной сталью, казалось принадлежащим богине. Меч был не боевой, конечно. Парадный, а то и вовсе бутафорский. Зато красивый. Очень. Почти как девица.

Взгляд, между прочим, у нее был...

А губы...

В общем, собирался Иван недолго. Тем же часом заказал билет на ближайший «сквозной» поезд, провел в нетерпении два исключительно долгих дня и покатил в Арин. Три часа неги в кожаном «мягком» купе, в компании с хрустальным окном во всю стену и прославленным кофейно-коньячным великолепием экспресса «Восток-Запад».

² Тяжелый меч; чаще всего под названием «эспадон» подразумевается меч двуручный.

Сквозная, старейшая железная дорога внутри Пределов уже добрую сотню лет связывает древнюю перасскую столицу Гелиополис со столицей современной, четырехсоттысячной Пантеонией. Так же, как связывает столицы другая железная дорога, сравнительно новая и значительно более скоростная Кольцевая. Но кольцевой экспресс, шедший накануне, Иваном был решительно отвергнут. И вовсе не потому, что в нем не подавали коньяка (фирменным напитком для первого класса в кольцевом экспрессе была мадера). Дело в том что, двигаясь вдоль побережья, он далеко стороной огибал вотчину прекрасных амазонок, предлагающих настоящим мужчинам настоящее оружие.

Поезд вошел в Арин незадолго до полудня. Сто граммов коньяку, даже самого лучшего, были имяхранителю, что левиафану – крючок сельдевого перемета, однако голова чуть кружилась.

«Надо же, укачало», – подумал он, озираясь.

Длинный узкий перрон оказался почти пуст. Каланча-городовой, троица носильщиков, глядящих на безбагажного Ивана, как на кровного врага, да маленькая дамочка в сине-белой форме с галунами и раззолоченной фуражке.

Кроме имяхранителя со «сквозного» сошла шумная компания патлатых ребятишек в ярких разноцветных лохмотьях. Но попутчики исчезли мгновенно, оставив после себя сильный запах апельсина да визитную карточку лаймитов – пирамидальную бутылку с широким основанием. Каждая грань бутылки, украшенная фруктово-лиственным барельефом, имела свой цвет: оранжевый, лимонный, зеленый и померанцевый. Каждая символизировала одну из разновидностей обожествляемых лаймитами плодов. Запах исходил тоже из бутылки. Над воронкообразным горлышком сейчас вздымался султанчик ядовито-рыжего пара, сносимый ветром напрямиком на Ивана.

«Отравители», – укоризненно подумал он и отошел в сторону. Впрочем, помогло это не бог весть как – апельсинами пахло уже повсюду. Фимиама, милого их сердцу, лаймиты, как всегда, не пожалели. Поскольку твердо убеждены (об этом Иван узнал из яркой книжицы, забытой или подброшенной кем-то в купе): такие воскурения чрезвычайно добродетельны. Они приближают грядущий Золотой век. Известно же, что бесчисленные миры, подобные плодам, зреют на вселенском цитрусовом дереве, с которого и падают время от времени. И тогда из семян, созревших внутри плода, прорастают новые, лучшие и прекраснейшие деревья-вселенные. Себя лаймиты (в просторечии лимонады) считают не то означенными семенами, не то оболочкой семян, оберегающей зародыши мирозданий от плодовых вредителей. А то и вовсе черноземом, удобрением для чудесных ростков. В этом Иван так до конца и не разобрался. Книжица давала слишком уж путаное объяснение. Да и, сказать по чести, углубляться в космологию странного верования ему совсем не захотелось. Зато он отлично запомнил утверждение, будто лаймизм слывет в высшей степени миролюбивым, а главное, безвредным верованием.

Для тех, кто не имеет аллергии на цитрусовые, мог добавить Иван.

Городовой нехотя двинулся к бутылке, вытаскивая откуда-то из-за спины плотный пакет. «Уже ученый», – отметил имяхранитель.

Дамочка, соорудив на миленьком лице строгое выражение, неотрывно изучала циферблат станционных часов. Фуражку она придерживала за блистающий козырек пальцем – иногда слабый ветерок, словно опомнившись от дремы, рвал всерьез. Станционные часы имели традиционно четыре стрелки. Самая длинная из них (и самая никчемная, по мнению Ивана), пятиминутная, прыгнула, утверждаясь на XI. Дамочка торжественно воздела руку к колоколу и пробила отправление. Экспресс отбыл. В четверть пятого он, высадив основную массу пассажиров в Пантеонии, прибудет в конечную точку маршрута, на станцию с забавным названием Котятя. Иван, для которого эта станция ассоциировалась с чем-то уютным и домашним, даже чуточку пожалел, что пришлось сойти здесь.

«А впрочем, – подумал он, – быть может, и не стоит мне туда ездить. Не пришлось бы разочароваться...»

Арин, расположенный внизу по склону Олимпа – так, во всяком случае, виделось Ивану от вокзала, – был городишком совсем небольшим. И пройти под горку пешечком, сейчас, по прохладце, не составляло труда. Однако возникала серьезная проблема, как найти «Эспадон»? Адрес у Ивана был, но какой от него прок в незнакомом городе, пусть даже маленьком. Спрашивать прохожих? Не каждый захочет разговаривать с обломком.

Городовой успел куда-то исчезнуть вместе с лаймитской газовой «бомбой». Дамочка, снявшая фуражку, оживленно болтала с носильщиками, а в здание вокзала заходить почему-то не хотелось. Оно стояло в двух шагах, очень чистенькое и опрятное, пронзительно голубое. Но Ивану казалось, что внутри непременно пахнет подкисшим пивом и остывшими расстегаями с бараньими потрохами, спят на скамейках ничьи колоны, и кто-нибудь потный, нагруженный чемоданами, злобно и бессмысленно ругается с кассиром. И в справочной, разумеется, восседает глуповатая и потому безнадежно молодящаяся фальшивая блондинка с безвкусно подведенными глазами, которая тут же примется с ним кокетничать, а дороги к «Эспадону» объяснить толком не сумеет.

Скорей всего, такого не было. Но – казалось, и это останавливало его.

Обогнув здание, он побрел на привокзальную площадь. Городского транспорта Иван не любил в принципе и все-таки направился к стоянке таксомоторов. Рассчитывать на то, что форейторы подскажут дорогу, конечно, не стоило. Довезут – это да. Довезут со всем удовольствием и с ветерком. Зато махнуть рукой, хотя бы обозначив направление, даже не подумают. Оскорбятся еще, глядишь. Но... мало ли, авось да посчастливится каким-нибудь образом.

Видимо, несмотря на воскресный экспресс, наплыва приезжих сегодня не ожидалось. Из полудюжины расчерченных белыми полосами стояночных участков занято было всего два. На них стояли небольшие кремовые кабриолеты с вынесенным далеко вперед насестом водителя, тесным салоном (вытертые диваны один против другого) и тонкими колесами, сверкающими множеством спиц. Оба экипажа пофыркивали на холостых оборотах. Усачи-форейторы в традиционных регланах из желтой кожи и желто-черных клетчатых шарфах (вот кому жарко-то, пожалел их Иван) лениво переговаривались. Завидев потенциального клиента, оба приосанились, бросили папиросы и начали натягивать краги.

А ведь, пожалуй, придется ехать, подумал Иван с тоской.

К автомобилям он испытывал искреннее, величайшее, почти мистическое недоверие. Стоило ему представить себя в салоне такого экипажа, как в животе холодело, колени слабели, к горлу подкатывал комок. Всякий раз перед угрозой поездки на автомобиле он со стыдом признавался сам себе, что вполне созрел для того, чтобы позорным образом грохнуть в обморок. словно какая-нибудь хлипкая курсистка при виде попавшего под лошадь щенка. Да чего скрывать! Автомобили или, к примеру, моторные катера, имеющие двигатель в непосредственной близости от пассажиров, его попросту пугали! Его, здорового, тертого мужика, навидавшегося в жизни, казалось бы, всякого. Он не мог заставить себя поверить в то, что теплород, беснующийся в расширительных камерах автомобилей, эта якобы прирученная и обузданная ипостась божественного первоэлемента древних, обуздана в действительности. Он не мог поверить, что безмозглые автоматы, управляющие впускными и выпускными клапанами, способны справиться с капризами столь тонкого устройства, как двигатель многошагового расширения. Да просто, наконец, он видывал, во что превращается такое авто – а главное, его пассажиры, когда расширение теплорода происходит не предусмотренными «многими шагами», а одновременно и бесконтрольно.

Ему повезло. Подле стоянки промышлял мелкими услугами «подай да принеси» шустрый паренек лет четырнадцати. Он живо сообразил, что пижонски разряженный обломком, пахнущий дорогой (того и гляди, контрабандной) кельнской водой, кофеем и чуточку спиртным,

не желает катить на таксомоторе, а желает прогуляться пешком – и с готовностью вызвался в провожатые.

Иван тайком перевел дух. Похоже, что изменчивая эврисса Фортуна была к нему сегодня благосклонна.

Фореиторы, оставшиеся не у дел со своими дьявольскими экипажами, сердито смотрели вслед обломку и мальчишке, но тем было на них начхать. Иван к неудовольствию окружающих давно привык, пареньку же был обещан за труды целый двойной карт. И не какой-нибудь мятой бумажкой, а настоящей серебряной монетой. После чего пройдоха готов был тащить Ивана до любого уголка в Арине хоть на себе... воображая возчиков вместе с их транспортными средствами и неудовольствием в известном всякому месте.

* * *

От родного Ивану приморского Гелиополиса, имеющего двухтысячелетнюю историю, этот трехсотлетний городок отличался разительно. Особенно хорошо это заметно было в архитектуре. Принцип, которого придерживались здешние градостроители, казался Ивану непривычным, а подчас и странноватым. Место обычных для Гелиополиса каменных заборов высотой по плечо занимали в Арине живые изгороди не выше пояса. А место высоких домов, отделанных мрамором, украшенных барельефами, кариатидами и колоннами – увитые виноградом приземистые строения. В лучшем случае двухэтажные. Их плоские крыши оккупировали полосатые шезлонги, висячие цветники и разборные беседки.

Большинство улиц были столь узкими, что встретиться там на беду два привокзальных таксомотора, одному из них пришлось бы карабкаться на стену или изгородь. А иначе не развешиваться. Многочисленные цветочные клумбы не тянулись вдоль тротуаров строгими рядками, а были сложены из дикого камня в виде горок. Подчас довольно сложной формы, с обязательным ручейком, премило стекающим по склону. Все, все не то. Даже лампы на низких столбиках – рукой дотянешься до макушки – не гроздьями по три-пять, а одиночными шарами. И не бело-матовые, а прозрачные. Здесь почти полностью отсутствовали скульптуры, изображающие богов и героев. Зато бронзовых бюстов видных горожан наблюдался очевидный избыток. И все они были почему-то на одно лицо – бородатые и значительные, с глазами, прозревающими недоступное для простых смертных *далёко*. И все были великолепно надраены. А может, и вовсе – позолочены. От них стаями прыскали солнечные зайчики.

И общая атмосфера, конечно. Запахи, звуки, а особенно люди: малочисленные, малоподвижные. Не ходят, а прохаживаются, не разговаривают, а беседуют. Подавляющее большинство – хорошо одетые, упитанные одноименные. Колонны встречались редко. Как почему-то и дети.

«Провинция», – умильно думал Иван, вглядываясь в прошитые солнцем кроны деревьев. Там – он открыл это с детским радостным изумлением – прятались фигурки дриад, любовно вырезанные из сердцевины белого клена, не темнеющей от воды и времени. «Очень благополучная сонная глубинка. Разросшаяся деревушка, возмнившая себя чем-то бульшим».

Однако чем дальше они уходили от вокзала, тем больше Арин походил на город. Улицы расширились. Дома подросли, стали строже и сомкнулись плечами. Начали встречаться кое-какие магазинчики и кафе, откуда аппетитно тянуло специями и жареным мясом. Бюстов заслуженных аборигенов, впрочем, не убавлялось.

Несколько раз Иван слышал в отдалении пофыркивание автомобилей, а однажды их обогнал ладный тонконогий жеребчик, гнедой в яблоках, впряженный в легкую бричку. Под хвостом у него потешно болтался холщовый мешок: тоже для «конских яблок», но не тех, что на шкуре. Управляла экипажем миниатюрная сухонькая старушка, одетая немного легкомысленно. Тесный бордовый френчик, лосины цвета топленого молока с серебряными лампасами,

низкие желтые сапожки и шляпка с короткой вуалеткой. Наряд ей был, грубо говоря, не вполне по возрасту.

Поравнявшись с ними, старушка (при ближайшем рассмотрении оказавшаяся похожей лицом на карликовую гарпию) придержала скакуна и, жутковато улыбаясь, помахала Иванову гиду хлыстиком. Крикнула:

– Как дела, Вик?

Парнишка показал ей большой палец. Старуха задорно подмигнула и стрельнула на имяхранителя быстрым заинтересованным взглядом. Иван с нею раскланялся. Получилось вполне сносно, не придрался бы даже дворцовый церемониймейстер. Кивнув в ответ, старушка тронула вожжи.

– Занятная дама. Старая знакомая? – вполголоса поинтересовался Иван.

– Угу. Старая-престарая. Лет сто, – отозвался Вик.

Иван с деланной строгостью погрозил ему пальцем.

Улица вильнула, расширилась и обернулась небольшой площадью. Посреди нее располагался фонтан в виде трех играющих кошек. Его окружали каменные скамьи и кусты, подстриженные конусами и шарами. Ворковали голуби. Ивану показалось, что крылья у птиц аккуратно подрезаны. Он справился у мальчишки, так ли это.

Оказалось, что глаза его не подвели. Голубей в Арине действительно отлавливали и, как выразился Вик, «окультуривали», чтобы те не пачкали сверху памятников и фонарей. Этим занималась особая коллегия при городском управителе – та же, которая драила бронзовые бюсты. Отпихивая ногой особо навязчивого сизаря-попрошайку, Иван решил, что не удивится, если вдруг выяснится, что у всех здешних кошек клыки и когти в приказном порядке надежно затупляются. В интересах птиц.

– Пришли, – сообщил Вик. – Вон туда вам. Может, мне подождать? Еще куда-нибудь провожу.

Иван неопределенно пожал плечом, сказал «как хочешь», расплатился с ним и широким шагом направился к цели своего путешествия.

Снаружи «Эспадон» был мал – две недлинные витрины по бокам от входной двери. Внутри же он оказался довольно просторным. Сначала вошедшие попадали в большой круглый зал шагов сорока в диаметре. Ошибиться в размерах было легко, большую часть помещения занимали остекленные шкафы в медных переплетах, полные остро отточенной стали. Эффектно подсвеченная, она горделиво возлежала на темно-синем, почти черном бархате с благородными переливами, и Ивану сейчас же захотелось ее купить. Всю, сколько ни есть. Ну, на сколько денег хватит. А ту, на которую не хватит, украсть.

В высокую, стрельчатую арку был виден следующий зал, и там тоже стояли стеклянные ящики. Но и тот зал, создавалось ощущение, был далеко не последним.

Отовсюду, замершие в разных позах и различно вооруженные, Ивану слали шальные взгляды оптумы – оптические фантомы, порождения хитрых световых проекторов. Все они имели лицо и фигуру его заочной знакомой, обворожительной амазонки из рекламной тумбы.

Иван сошел с порога.

Дверь за его спиной мягко притворилась, звякнув колокольчиком. Навстречу Ивану стремительно покатился улыбчивый человек. Толстенький, лысоватый и очень подвижный. Будто капля воды, бегающая на раскаленной плите. Вероятно, то был сам владелец, дем Тростин. За ним по пятам следовал юноша, точно родной брат похожий на мальчишку, провожавшего имяхранителя по Арину. Разве что этот был чище одет да глаже причесан: с челочкой и завитками на длинных локонах. Может, сын или племянник, а может, и нет. Нравы в здешних местах, насколько помнилось Ивану, славились редкой свободой.

О том, что магазин принадлежит дему Лео Тростину, посетителей уведомляла табличка на двери. К сожалению, табличка не уточняла, где в фамилии следует ставить ударение. Опа-

саясь попасть впросак, Иван решил по возможности избегать приличествующих торговле долгих бесед. Пришел, выбрал, купил. Ушел. Все. Тем паче, беседовать не захотелось с первой минуты. Выглядел Лео никаким не львом, а сущим шарлатаном от торговли. Матерым жучищем, способным обвести вокруг пальца самого бога торговли Гермеса.

Сюрприз был, конечно, не из приятных. Вместо живой девушки, на которую Иван рассчитывал хотя бы поглазеть наяву (а то, чем горги не шутят, может, даже познакомиться!), – игра особым образом преломленного света и пройдоха с жуткими манерами. Да вдобавок завитой отрок. Тьфу ты!

Иван суховато поздоровался и предупредил торговца, что в консультациях не нуждается. Побродит, посмотрит. Приценится. Если что-нибудь выберет, тотчас позовет. Высокая кредитоспособность Ивана не вызывала сомнений: тончайшей выделки льняная рубашка и бежевые брюки из благородной фланели прямо-таки кричали об изрядном достатке. Как и кофр крокодиловой кожи, такой же ремень и сандалии ручного плетения. Жирную точку ставил платиновый «Лонжин».

Торговец послушно отстал от необщительного посетителя.

А посмотреть в «Эспадоне» было на что. Одних только ножей добрая сотня разновидностей. Шпаги, мечи, сабли... Какие-то совсем уж экзотические клинки – вогнутые, иззубренные, вроде расширяющихся к концу серпов. Иван во избежание соблазнов миновал это загляденье быстрым шагом, глядя нарочито перед собой, под ноги. Ему шпага ни к чему. То есть не помешала бы, конечно. Да только обломку разрешение на владение дуэльным оружием ни одна префектура не выдаст даже под угрозой поджога.

Ножами он полюбовался, но не более. Хороши они были, однако коротковаты. Для целей имяхранителя не годился ни один. Ограничение размеров клинка, свободно носимого внутри Пределов, – два вершка длины. Фрукты почистить, хлеба порезать. Это – для всех. Для аристократов, имеющих родовое право, подтвержденное многими поколениями предков-меченосцев, ограничений не предусматривалось. Остальным, чтобы владеть чем-либо более солидным, требовалось иметь и носить повсюду, во-первых, документ, удостоверяющий трехлетнее обучение в фехтовальной школе, во-вторых, особый нагрудный жетон от префектуры. И в-третьих, татуировку установленного образца над левой бровью, сообщающую о вживлении стоп-пульсатора. В просторечье зовущегося «предохранителем» или «стопником». Ну и само собой, вживленный стоп-пульсатор. Маленькое устройство, снабженное микродаймоном, которое надежно ограничивает возможность глубоко пропороть кому-нибудь требуху шпагой. Именно так, не больше, однако, и не меньше.

Конечно, на Островах какое угодно разрешение покупается без проблем. С фальшивой татуировкой, бумагой, жетоном. Даже бутафорский рубец от «вживления предохранителя» устроят. Но об этой деятельности подпольных островных умельцев на материке знают все, кому положено. Потому расхаживать с липовыми знаками не просто рискованно – опасно. Обычно ими пользуются (не с самыми добрыми целями, понятно) всякие авантюристы и сорвиголовы. Да и то кратковременно.

Собственно, Ивану требовалось даже не столько оружие – лучше всякого оружия служило ему собственное тело, сколько броский отличительный знак. Как желтый реглан с клетчатым шарфом, очки-консервы и краги у фореиторов. Как выщипанные догола брови и кольцо в носу у колонов. Как чудесный нимб живого Имени у полноименных. Как не требующий слов, но осязаемый всеми и сразу треклятый отпечаток *бывшеести* у обломков...

Разумеется, вместе с тем искомым предмет должен выполнять и утилитарную роль. То есть оружие должно позволить расширить охраняемую зону раза в полтора-два. Идеальным приобретением стал бы боевой бич. Конечно, с ним еще надо уметь обращаться. Но это победы, научиться не проблема. Загвоздка в другом. Бич предусматривает наличие у владельца тех же отличительных знаков, что и дуэльный клинок. Для имяхранителя, готового в любой

момент убивать, убивать не случайно, не ради самообороны, а преднамеренно и целенаправленно, тормозящий реакцию «стопник» был абсолютно неприемлем.

Именно поэтому бич, как и шпаги-сабли, оставались для Ивана лишь мечтами.

Нельзя сказать, чтобы имяхранитель выходил на охрану ноктисов совсем уж безоружным. Отличное самодельное приспособление – здоровенная гайка на сыромятном ремешке, вполне годилось для изничтожения горгов и прочей мелкой нечисти. Ремешок оканчивался петлей, затянутой на запястье, и это было удобно. Двумя ударами гайки Иван по самую шляпку вгонял в дубовую плаху немаленький гвоздь. Пожалуй, ничего лучшего нельзя было придумать. К тому же для запрета подобного варварского кистеня в уложениях об оружии не нашлось места, а все что не запрещено – разрешено. Да только с некоторой поры Иван стал заботиться о своей, изысканно выражаясь, авантажности. Ну а гайка, право слово, выглядела неказисто!

Пройдоха-торговец, конечно же, заметил его колебания, однако виду не подавал, терпеливо выжидая подходящего момента для атаки. Наконец счел, что дождался. Подскочил, пританцовывая. Соболезнующим тоном прошептал:

– Я вижу, благородный эв находится в некотором затруднении? Сознывая, что предлагаемый ассортимент довольно скуден... – он кривоватой улыбкой и движением бровей показал, что на самом-то деле ассортимент хоть куда. – ...я все-таки не решился бы советовать вам посещение другого подобного магазина. Да-с, не посоветовал бы. Разве что где-нибудь вне Пределов...

Он рассмеялся почти натурально.

– Уважаемый дем... дем Тростин льстит мне, называя эвом, – Иван, некоторое время помучившись, решил сделать ударным первый слог. Толстенький Лео никак не отреагировал, а значит, ошибки не было. – Подобная любезность ни к чему. Имени у меня больше нет, а эвпатридом³, насколько мне известно, я не был никогда.

– Как же следует обращаться к... мнэ-э... уважаемому? – озадачился Лео.

Иван ощутил мимолетное злорадство.

– Обойдемся без формальностей. Имяхранитель.

– О, – сказал Тростин с непонятым выражением. – Слыхивал, что такие появились, но встречать пока не доводилось. Весьма рад представившемуся случаю. К нам, вероятно, из столицы?

– Из Гелиополиса.

– Ах да! Ну, конечно! – Торговец легонько шлепнул себя по лбу. – Непозволительная рассеянность. «Сквозной» же недавно проходил... Так что уважаемого имяхранителя интересует? Неужели из этого, – Лео сделал широкий взмах ручкой, – совсем ничего-с? Быть того не может.

– Почему же совсем ничего? Например, мне чрезвычайно хотелось бы взглянуть на девушку, послужившую прототипом для этого очаровательного творения оптоматики... – Иван кивнул на ближайший фантом амазонки.

Проектор оптома, словно реагируя на его слова, еле слышно защелкал, поворачивая линзы. Призрачная воительница шевельнулась, смерила Ивана оценивающим взглядом и грациозно повела длинной кривой саблей вверх-вниз. Снова замерла.

– Боюсь, это невозможно-с, – сухо проговорил Тростин. Улыбка его вмиг истончилась. Не пропала, но сделалась на редкость неприятной. – «Эспадон», позвольте уточнить, оружейный магазин, а не дом сводни.

– Прошу, не обижайтесь, дем Тростин. Я всего лишь пытаюсь быть остроумным, – поспешил оправдаться Иван. Он запоздало сообразил, что амазонка вполне могла оказаться доче-

³ В древней Греции – представитель родовой землевладельческой знати.

рю Лео или даже женой. И тогда внимание к ней заезжего обломка становилось чем-то вроде оскорбления. – Печально сознавать, но получилось это совсем неудачно. Простите.

Тростин коротким кивком показал, что извинения принимает.

– Итак, что вас интересует? – осведомился он негромко.

– Вообще-то, я надеялся найти что-нибудь вроде... ну, кистеня, что ли. Более-менее благородных черт. Но вы, я вижу, столь дикарского оружия не держите?

– Не держу-с, – согласился торговец. Он на мгновение задумался, что-то для себя решил и добавил: – Но не огорчайтесь. Я могу дать совет.

– Дельные советы дорого стоят, – сообщил воодушевленный его отходчивостью Иван и расстегнул кофр. – Какое счастье, что я не скуп. Так сколько?

– Это будет очень дельный совет. – Улыбка Тростина еще немного потеплела. – Особенно для того, кто называет себя имяхранителем. Три декарта. Можно ассигнациями.

«Да, аппетит у этого жука и впрямь хороший», – подумал Иван и достал деньги. Бумажки исчезли волшебным образом.

– Знает ли уважаемый имяхранитель о существовании металла, безмерно превосходящего качеством лучшую сталь? – спросил торговец. – Притом, металла, более смертоносного для любой нежити, чем даже самородное серебро?

– Кажется, слышал.

– А слышал ли уважаемый имяхранитель, что при всех заслугах этот металл вдобавок не способен ранить Имени? Он проходит ноктиса насквозь, не причиняя вреда.

– Вот как? – Иван достал еще две ассигнации и заметил: – Оказывается, совет дема Тростина стоит гораздо дороже, чем он оценил его сам. Я преклоняюсь перед вашей скромностью. Но, поверьте, совесть замучит меня, если я позволю вам терпеть убытки.

– Я и сам себе этого никогда не позволю, – заявил Лео, принимая деньги.

В этот момент тренькнул дверной колокольчик. Иван скосил глаза. В магазин входил новый посетитель, явный лаймит. Запахло апельсинами.

«Вот кого не ждал здесь встретить, – удивился Иван. – На что миролюбивому лимонаду оружие?»

Тростин смешно наморщил нос, с видимым неудовольствием сказал помощнику: «Займись» и шмыгнул куда-то влево, поманив имяхранителя за собой.

Между шкапами, стоящими дугой вдоль стены, обнаружился разрыв в пару шагов шириной, а за ним – дверца. Тростин отпер ее ключом, зажег свет. Осветилась лестница.

Ступеньки привели их на второй этаж, в уютный кабинет, где возле кофейного столика стояли три кресла, старинные напольные часы с ленцой отсчитывали время, и где имелся чудный старинный же буфет. Наполнявшие его бутылки тоже, по видимости, не относились к самым последним годам выработки.

– Металл, о котором идет речь, называется белой бронзой и производится единственной мастерской внутри Пределов, – сказал Тростин, разливая по крошечным рюмочкам темную жидкость, терпко пахнущую травами. – Надеюсь, не откажетесь от глотка знаменитого аринского бальзама?

– Чин-чин, – сказал Иван вместо ответа, поднимая свою рюмочку на уровень глаз.

– Чин-чин, – подхватил Тростин. – Кстати, можете звать меня просто Лео. – Он протянул руку.

– Иван.

Пальчики Лео, короткие и толстые, оказались сильны совсем нешуточно. Да и сам он, отринув профессиональную необходимость быть угодливым, как-то подтянулся. И сразу стало видно, что он не столь уж дороден и рыхловат. Скорее коренаст. Хитринка из глаз, впрочем, никуда не пропала.

– Вне Пределов о белой бронзе не знают вообще, – заговорил Лео, промокнув платочком губы.

Травяная настойка проскользнула в желудок гладенько, как бы сама собой, но там – взорвалась! Иван от неожиданности крикнул. Лео отвел смеющиеся глаза.

– Ого, – с уважением сказал Иван. – Знатно.

– Да, – согласился Лео. – Рецепту столько лет, что боюсь выговорить. Все равно не поверите. Никто не верит.

– Слушайте, Лео, – начал Иван. – Подскажите, где бы мне обзавестись такой божественной влагой?

– Боюсь, – отрицательно качнул головой тот, – такого продукта, как этот, вы не купите даже в Арине. Ни за какие деньги-с. Весьма сочувствую.

– Так, может, у вас найдется бутылочка? – забросил Иван крючок. – Найдется же, сознайтесь.

Лео хладнокровно промолчал, решив вместо ответа разлить бальзам сызнова. Получилось это настолько красноречиво, что имяхранитель был вынужден сдаться:

– Ну, ладно. Не о бальзаме речь. Так что там насчет белой бронзы?

Лео почесал лысину.

– Я тут подумал... Что впустую языком молотить, расхваливая чужой товар? Да и не по правилам это. Я ж торговец. Дружба дружбой, а табачок-с, сами знаете, врозь... – Лео подмигнул. – Мастер Логун живет буквально в двух шагах отсюда. Заказы он предпочитает обговаривать до мельчайших тонкостей при личной встрече. Пойдете?

– Пойду. – Иван поднялся. – В двух шагах – в какую сторону?

– Стоп, стоп, повремените. Долой спешку, дружище. Аринский бальзам чертовски не любит, чтобы употребившие его тут же срывались с места и куда-то бежали. Может наказать. Вкусите лучше этих фруктов. – Лео подвинул Ивану вазочку с засахаренными дольками айвы. – А потом я пошлю с вами мальчика. Иначе старик может просто не пустить вас на двор. Иван, Иван, – он сделал отстраняющий знак рукой, видя, что имяхранитель потянулся к кофру, – остановитесь! Вы заплатили более чем достаточно. При желании дадите мальчику за труды. Только прошу, не балуйте его излишней щедростью. Чин-чин!..

* * *

– А где этот... лимонад? – спросил Лео у помощника. Ивану показалось, что вопрос прозвучал преувеличенно громко, с некоторым вызовом. – Умотал?

– Давно, – ответил мальчик. – Купил ту вчерашнюю пару клевангов да моток промасленной ветоши для ухода. На клинках и ярлыка-то пока нет. Я и загнул вдвое. А он все равно взял. Не вякнул даже. Вот деньги.

Лео, неразборчиво бубня под нос, сгреб бумажки.

– Клеванги? – вопросительно поднял брови Иван.

– Яванские мечи. Так, ничего особенного, новодел. Гея, конец девятнадцатого века. Доставили извне... хм... только вчера. Думаю, вы к таможенным службам отношения не имеете? – как бы мимоходом осведомился Лео.

Иван активно замотал головой: ни малейшего! Лео усмехнулся:

– Да я и не сомневался. Ну вот, в первую очередь, как всегда, контрабанду показали мне. Я и взял. А что, вещицы красивые... к тому ж экзотика! Хотя большой ценности не представляют. Нет-с, не представляют. Конечно, недурственно, что за двойную цену удалось сбыть... но все равно жалко. Э-эх, если бы не этому...

– Лаймитов, вижу, не жалуете? – на прavaх приятеля заметил Иван. – Есть причина?

– Да уж причин достаточно. Когда под боком изо дня в день шабаши да сатурналии, как еще относиться? Может, вы обратили внимание, что Арин окружен мандариновыми рощами. Наша законная гордость. Наряду с бальзамом, белой бронзой да, пожалуй, колбасами. Нет, Иван, кроме смеха, колбасы у нас просто превосходны. Поставляются к императорскому двору. Как и мандарины. Так вот, в позапрошлом году при закладке нового участка на беду откопали развалины какого-то строения. Скорей всего, в свое время это был самый обыкновенный сарай. Но лимонады решили по-иному. Дескать, древнейшее капище отцов-основателей. И катят теперь сюда отовсюду. Спасу нет. По ночам процессии с песнопениями устраивают, днем тоже не протолкнешься. А от запаха апельсинов меня уже мутит. Вот вам и все объяснение. Думаю, достаточно.

– Вполне, – согласился Иван.

– Валентин, – окликнул Лео помощника. – Проводишь нашего уважаемого гостя к эву Логуну. Держите, Иван. Подарок. – Тростин, забавно поиграв бровями, вытащил из кармана плоскую глиняную бутылочку с залитым сургучом горлышком. – То, что вы страстно желали купить. Знаете, – признался он вдруг с нетрезвой откровенностью, – вы мне чем-то понравились. Хоть и обломок, и выглядите – зверь зверем и шутите неуместно... Понравились, да-с! При случае заходите еще, буду рад. Честное слово. Эву Логуну мои приветы передавайте.

Он повернулся и, ссутулившись, двинулся в другой зал.

– Воспитанница у него к лимонадам сбежала, – вполголоса сказал Валентин, когда Лео скрылся за шкапами.

– Она? – спросил Иван, показывая глазами на ближайший оптум.

– Она, – подтвердил юноша.

Ослепительная амазонка, словно подтверждая сказанное, под мелкое щелканье фантом-проектора встряхнула волосами.

На улице Ивана поджидал Вик. Он сидел на корточках возле витрины и лениво поигрывал сам с собою в «пристенок». Увидев выходящего имяхранителя, подскочил, расцвел. Когда же из магазина появился завитой Валентин, Вик помрачнел. Иван еще раз поразился, насколько мальчишки похожи. Валентин, заметив чумазого двойника, сейчас же сделал вид, что кроме него и Ивана поблизости вообще никого нет. Кроме голубей, разве. Вик в долгу не остался. Явно напоказ длинно сплюнул сквозь зубы, процедил с ехидцей:

– Ах, завитые затылочки, создания нежные, – и двинулся прочь развязной походочкой, подкидывая в воздух монетку да посвистывая.

– Родственник? – спросил Иван.

– Братец, – нехотя сказал Валентин. – Единоутробный.

– Позор семьи? – посочувствовал Иван.

– Да вы что, дяденька? – сказал Валентин, поправляя беленький отложной воротничок. – Обыкновенный шалопай. Позор семьи – я.

Голос его прозвучал донельзя обыденно, но всякая охота к дальнейшим расспросам у Ивана пропала разом.

* * *

Гребень забора, склепанного из широких металлических полос, был усажен частоколом длинных блестящих шипов, и Иван увидел его издали. Дом эва Логуну (из-за забора выглядывала только двускатная черепичная крыша с флюгером-петушком, да еще высокая, очевидно, кузнечная труба) стоял уединенно, надежно укоренившись на вершине крутого холма. Холм имел правильную куполообразную форму, снизу доверху был выложен брусчаткой и поэтому напоминал колоссальный черепаший панцирь. На нем не росло ни травинки, ни дерева.

Окованная старым железом калитка вид имела тот же, что и ворота, то есть предельно недружелюбный. Валентин грохнул в нее ногой и звонко закричал:

– Эй, дядька Логун! Кто-нибудь! Эге-гей! Лео вам заказчика нашел. Открывайте, говорю!

Послышались шаги, но далеко не сразу. Тяжелые ворота растворились. Злющие черные кобели молча рванулись с цепей. Приземистый плечистый мужик с седыми моржовыми усами и могучим круглым брюхом – несомненно, полноименный, – окинув пришедших цепким взором, мотнул головой:

– Входите.

– Не, я не могу, – сказал мальчик, косясь на псов. – Надо возвращаться. Лео там один, да еще поддатый. Не приведи бог, лимонад в лавку пойдет. Греха потом не оберешься.

Иван придержал его за плечо, сунул денежку.

– Благодарствуйте! – Валентин слегка поклонился и затопал по брусчатке вниз.

– Это вы эв Логун? – спросил Иван у «моржа».

Тот кивнул.

– Счастлив познакомиться! – сообщил Иван, широко улыбаясь (бальзам пробудил в нем небывалую обходительность). – Говорят, вы лучший оружейник внутри Пределов?

– Вроде того, – подтвердил «морж». – В смысле, говорят. А раз так, отпираться не буду.

– И правильно, – подхватил Иван, – и не отпирайтесь. Да и какого рожна?! Лучший, и весь сказ! И баста!

– Лео, я гляжу, бальзама для тебя не пожалел, – сказал Логун, усмехаясь в усы. – На что тебе моя бронза?

– Я имяхранитель, – гордо возвестил Иван.

– Тогда понятно, – сказал Логун. – Идем-ка в дом, имяхранитель. Я тебя квасом напою.

* * *

Логун управился за месяц.

Кистень вышел в аккурат такой, как желалось Ивану. Полуаршинная рукоятка, туго обмотанная полоской материала, напоминала отлично выделанную кожу. Аршинная цепь поражала особенным чешуйчатым плетением – словно сброшенная змеиная шкура. Увесистый груз, которым оканчивалась цепь, был выполнен в виде крупной нераскрывшейся сосновой шишки, а металлическая пята рукоятки – в виде небольшого шара. Красота, практичность и безупречный вкус изготовителя ощущались с первого взгляда.

Между прочим, на вид хваленая белая бронза была не белой, даже не бронзовой, а цвета стальной окалины «с искрой». Или, быть может, чугуна на свежем изломе. Точнее определить не удавалось – под разными углами зрения оттенки металла были разными. К тому же на поверхности играл синевато-серый «древесный» узор.

– Испробуй, – предложил Логун, укрепляя в тисках деревянный брус толщиной почти что с руку. – Жогни по-мужицки.

Иван испробовал. От раздробленного бруса полетела щепа. Загудел верстак.

– А теперь я сам. Покажу кое-что. Дай-ка.

Место разбитой деревяшки в тисках заняла шишка кистеня. Логун взял клещами внушительных размеров зубило, приставил острие к шишке, предусмотрительно отвернул лицо и скомандовал дюжему молотобойцу: «Легонько!»

Не успел Иван опомниться, как тот ухнул по зубилу со всей молодецкой дури.

Логун добродушно ругал молотобойца. Парень явно перестарался, и зубило постигла печальная участь бруса – от него осталась лишь пара крупных обломков да щепотка стальной крошки. На кистене же не было ни царапины.

– Если ты, положим, думаешь, что я нарочно перекаленное зубило взял, – говорил мастер, пересчитывая деньги (у Ивана во время предварительного сговора челюсть отпала, когда он узнал, *во сколько* Логун оценивает свою работу), – зайди к кому другому. Попытай счастья. Вот, скажем, при локомотивном депо нормальная кузня. Попроси паровым молотом тюкнуть. Только вряд ли они согласятся. Мое клеймо им известное.

– Ага, все верно, – сообщил мастер, бросив увесистую пачку декартов в железный ящик, доверху наполненный потрепанными и захватанными грязными пальцами чертежами. – А теперь гляди, какие потаенные хитрости я тебе в довесок изладил.

Он взял кистень, совершил пальцами краткое вращательное движение, и вдруг со звуком скребущегося в спичечной коробке большого жука цепь выпрямилась. Чешуйки на ней вздыбились, превратившись в страшноватые заусенцы. Шишка на конце раскрылась «цветком» с десятками закругленных, даже на вид острых как бритва лезвий.

– А?! – гордо воскликнул Логун.

Иван изумленно ощупал цепочку, чудесным образом превратившуюся в твердую шершавую полосу. Упругая, но жесткая, точно полотно пилы.

– Железо запросто пилить можно, – будто услышав его мысли, сказал Логун. – Про дерево и речи нет. А представь, если таким-то рашпилом, да, например, по шее... да с потягом... Вж-ж-жик! Метать еще можно, вроде дрота, но сперва потренироваться придется, конечно. Чтобы свою кожу не оберестить. «Цветком» можно метелить, как булавой. Да что я тебе говорю. Сам лучше меня разбираешься в подобных делах. Теперь понимаешь, за что такую цену ломлю?

– Понимаю, – промычал Иван, облизывая палец. Решил остроту лепестка проверить. Проверил, называется. Не бритва это была, а горг знает что!

– Это самое... говорю же, бережнее надо, – запоздало посоветовал Логун. – Пальцы-то обрежешь.

– Пожалуй, тут не только пальцы потерять рискуешь, – мрачновато сказал Иван. – Опасная штука.

– А ты чего хотел? – неприятно удивился мастер. – Оружие, поди-ка. Вроде как уд мужеский, – добавил он с усмешкой. – Если торчком – берегись, девки, бабы! А лишь повиснет, и не страшен никому. Глянь. – Логун опять произвел манипуляции с рукояткой. Цепочка опала, «цветок» закрылся, снова превратившись в шишку-бутон, и мастер... сунул его себе в рот, продемонстрировав поистине фантастическую ширину раскрытия челюстей. Усы грозно встали торчком. Потом рот закрылся.

Иван покачал головой. Ему бы только на ярмарке выступать. Вместо льва, которому смельчаки голову в пасть кладут. Да и вообще, после сравнения с удом толкать кистень в рот...

Логун между тем совершенно без опаски вытянул «шишку» назад, протащив сквозь плотно сжатые губы. Высунул язык, показывая, что цел. Затем взялся объяснять.

– Вот, Ваня, смотри, тут на конце рукояти кольцо с насечкой. Придерживай его, покрепче только, а рукоятку вращай. Она пустотелая, внутри нее винт, от него тяга к цепи. А сама цепка двухслойная, в том весь и секрет. Принцип встречного натяжения. Видал, небось, как простую нитку с помощью согнутых бритвенных лезвий торчком ставят. Нет? Ну, потом покажу, если интересуешься. Чудну на первый-то взгляд. По часовой стрелке, значит, повернешь – цепь затвердеет, в пилу превратится. Обратное – станет по-прежнему. Так. Зажимы еще, тут и тут. Они подпружинены, утапливаются. Пригодятся для скрытого ношения: цепь клади вдоль рукоятки, вот эдак, а груз в выемку – и прижми пружинным усиком. Во! Рукава пошире, сунул внутрь, и топай куда надо! Главное, ни одна собака про секрет не догадается и дуэльное разрешение не затребует. Кистень и кистень. Длина и вес в пределах уложения, я нарочно справлялся. Хитро?

– А то! – похвалил Иван. – Слушай, хитрюга, у меня к тебе еще дело появилось. Декартов на полста. Хочу заказать метательные диски из белой бронзы. Надо бы обсудить детали. Кваску нальешь?..

АРИН

Вчера. День

– Я не работаю *пламенеющих*, – отчеканил Логун. – И никто из нашей фамилии не работал.

– Удивительное дело, – задумчиво бросил Иван. – Никогда бы не подумал. На мой взгляд, нет лучшего способа для путного оружейника показать свое мастерство, чем выковать пламенеющий клинок. Насколько я могу судить, это очень сложное в изготовлении оружие. Ну, а чем сложнее, тем интересней, разве не так?

– Так-то оно так. Только больно уж злое оружие. И мстительное. Нет, Ваня.

– Брось, – сказал Иван. – Оружие не бывает ни злым, ни добрым. Думаю, тебя в этом убеждать не надо. Вспомни хотя бы, какую оказию ты для меня соорудил. Без единого слова. А ведь, казалось бы, куда уж страшнее. Все дело в руках владельца.

Логун кивнул:

– В руках, да. Это в первую очередь как раз твоей «оказии» касается.

Иван с благодарной улыбкой наклонил голову.

– Будет кланяться-то, – недовольно отмахнулся Логун, – это не комплимент, а признание факта. Всего лишь. Зато печальный факт, что пламенеющие мечи – фламберги чаще всего оказываются в руках именно негодяев, задолго до меня подмечен. «У кого помыслы прямые, у того и оружие прямое». Ну, и так далее. Читал дуэльный кодекс?

– Не сподобился. Мне он ни к чему, – безразлично заметил Иван. – Рылом не выхожу в дуэлянты. – Он с видимым удовольствием отхлебнул из берестяной кружки, отдулся, утер губы большим пальцем. Похвалил: – До чего у тебя ядреный квас, Логун! Лучшего я не пил нигде. Только подобный. На Островах, у эва Сипухи. – И без перехода: – В том, что это были фламберги, я уверен.

– Так же, как уверен в том, что они моей работы и ничьей другой? – Мастер невозмутимо цедил питье крошечными глотками.

– Да.

– Почему?

– Качество. Ка-чест-во!

– Подумаешь... Мы оба знаем хороших оружейников. На островах есть пара совсем неплохих мастеров. По-настоящему неплохих. Ах да, Сипуху ты навестил. Вальдераса, наверное, тоже. Не они?

– Не-а.

– Ну что ж, тогда на материке... по крайней мере, четверо ни в чем не уступят мне.

– Почти, – поправил Иван.

– Почти, – не жеманничая, согласился Логун. – Но разобрать детали в ночной схватке... Даже тебе... Усомнюсь, Ваня, уж не обессудь. И все-таки ты приехал сюда. Почему?

– А вот поэтому. – Иван наклонился к кожаной сумке, лежавшей под стулом, покопался, вытащил небольшой продолговатый сверток. Положил на стол, развернул тряпицу.

В тряпице оказался кистень. Его металлическое навершие, с ушком для цепи, было испещрено глубокими зарубинами. Цепь была рассечена натрое.

Логун взял кистень. В лице его мелькнуло что-то вроде страдания. И руки, кажется, дрогнули. Он повертел оружие так и сяк, с преувеличенной бережностью положил назад.

– Алмаска варит добрый булат, – сказал он глухо, в кружку. Глотки его больше не были мелкими. – Если постараться... если очень постараться...

– Согласен, – кивнул Иван. – Алмас отменный мастер. Его сталью можно рубить все. Даже, наверное, твой металл. Но – сталью, Логун! Сталью.

– Хочешь сказать, это была белая бронза? – оружейник поднял потемневшие глаза.

– Точно, – безжалостно подытожил Иван. – Она.

Логун медленно отодвинул кружку с недопитым квасом в сторону. Хрустнул сильными пальцами и положил руки перед собой – одна поверх другой. Угрюмо уставился на них, тяжело двигая челюстями.

Ой-ой-ой, подумал Иван, что-то сейчас будет. Мужик горячий и с большущим самомнением. Как бы чего не отколол. Иван на всякий случай пошире расставил ноги и попробовал качнуться на стуле. Стул был тяжелым, поэтому, когда передние ножки оторвались от пола, Иван так и оставил их на весу. В крайнем случае, решил он, опрокинусь назад. Безопасно, зато эффективно и неожиданно.

Вступать в драку с мастером он не собирался. Ни при каких обстоятельствах.

Логун поднял глаза:

– Нет, – сказал он хрипло. – Наверное, ты все-таки обознался, имяхранитель. – Повисла пауза, полная горечи. Пауза длилась и длилась. Горечь, кажется, проникла даже в квас. – Или для чего-то говоришь неправду. Нарочно.

Иван прищурился и вопросительно посмотрел на него.

– Да, я сказал эти слова. Да, имяхранитель. Можешь вызвать меня... А, помню, тебе не положено. Мне, в общем, тоже. Ну что ж, можешь не вызывать. Короче, поступай, как сочтешь нужным, но... я опровергаю твои слова. Категорически. Если угодно, при свидетелях. Запомни. Логуну. Не. Работают. Пламенеющих. Клинков! – Отчеканив эту фразу, оружейник понизил тон: – За триста сорок лет я поручусь. Нет, не головой – вот этими руками. Они дороже. Именем поручусь.

Он поднес ладонь ко лбу. Лоб пересекала широкая полоса холщовой ленты, стянувшей длинные, пегие с проседью волосы. Лента была самой обыкновенной, даже слегка потрепанной. Но Иван видел: к льняному (да и любому другому) полотну она не имеет никакого отношения. Подтверждая его догадку, на повязке проступило, будто протлело без пламени и дыма, неровное оконце. Им открывался тоннель в иную вселенную. Тоннель тот казался колодцем, наполненным чем-то бурлящим, лиловым. Среди лилового мелькали белые искры, вились синие ленты, а по-над бурлением летал маленький, резко очерченный темный шарик. Затем шарик моргнул. Оказалось, это глаз, вроде птичьего.

– Зря ты так, Логун, – негромко сказал Иван. – Именем клянешься, меня лжецом называешь. Спешись поспориться. Зря.

Он снова полез в сумку.

Логун, предчувствуя недоброе, шумно вздохнул. Иван выпрямился, держа в руке еще один сверток, значительно длинней первого, с разрубленным кистенем. Мастер громко проскрежетал зубами. Ивана этим звуком пробрало до самого спинного мозга. Он торопливо разорвал упаковку. Хватит с него театральных речей и сценических эффектов! Перед кем комедию ломаешь, имяхранитель? Зачем?

На верстак упала пара мечей с выгнутыми наружу крестовинами и простыми рукоятями. Клинки у мечей были обоюдоострыми и волнистыми, будто тонкие языки огня.

Мечи легли, как на гербе, – правильным косым крестом.

По мастерской поплыл чистый глубокий звон.

Так могла звенеть только знаменитая белая бронза. Логуновская белая бронза.

На «пороге» каждого из мечей – в том месте, где клинок, теряя заточку, погружается в рукоять, стояли клейма: вписанное в стилизованный молоточек короткое слово – «Лог».

Логун сдавленно выдохнул: «Гуляющая мать!» и со всего сердца ахнул ладонями по столу.

ГЕЛИОПОЛИС

Позавчера. Поздний вечер

Идущего по параллельной улице человека Иван услышал давно, однако не насторожился. Жарко. Душно. Мало ли кому не спится. Не горг, и ладно.

Оказалось – хуже горга. Намного хуже.

Лохматый мужчина в матерчатой рогатой маске быка выскочил из проулка, как на пружинах; мечи уже были в руках. Он нырком ушел от пущенных Иваном фрез, перекатился через голову и устремился к ноктису. А тот стоял, раззявив рот, и хлопал глазами. То есть не хлопал, конечно, у него и век-то настоящих нет. Одни ресницы.

Обронив бранное слово, Иван смел ноктиса за спину.

Обруч для *водящего* уже катился.

Взвыла, завилась, уплотняясь, тьма. Застучали по мостовой когти...

Гигантский скорпион, само воплощение ужаса, вскинул клешни, заливая голову потоками пузырящейся фосфоресцирующей слюны. Шипы, крючья и крючки, усеивающие сочленения, терлись со скрежетом о панцирь. Пустой медвежий череп на толстой змеиной шее вырастал из его спины.

«Бык» потратил на него мгновение. Чиркнул кончиком меча по обручу – небрежно, почти не глядя, будто восьмерку нарисовал – и обруч развалился на четыре равных сегмента, катить которые дальше было невозможно. Осиротелый *водящий* бросился их ловить, все одновременно, и словно взорвался. Черный пепел быстро таял.

Мечами «бык» владел виртуозно. Как и телом, отнюдь не тщедушным. Минотавр! Он был резок и очень мало уступал имяхранителю в силе удара. От выпрямленного в полосу кистеня (спасибо, Логун!) летели искры. Ивану было предельно трудно не идти на поводу у нападавшего. Мечи минотавра, чертящие замысловатый узор, как бы звали: за нами, следуй за нами! Веди свое оружие, повторяя эти пленяющие линии, тянись за нами, примкни, слейся с нашим танцем! Это было сродни гипнозу, к которому Иван оказался восприимчив, но стократ опасней. Не сон ждал поддавшегося – смерть.

Обломок, медленно отступая, вылавливал мечи в конечных точках траектории и постепенно мрачнел. Сражаться с техничным минотавром на равных не было никакой возможности. Оказалось, кистень – совсем неподходящая штука для дуэли с бойцом, вооруженным отменно сбалансированными и, главное, специально предназначенными для подобных схваток мечами. Про фехтовальные навыки противника и говорить нечего. Иван успевал парировать молниеносные и все более непредсказуемые выпады только за счет реакции, да еще, пожалуй, интуиции. А этого в создавшейся ситуации было слишком, слишком мало! Вдобавок его сбивала с толку распушенная в многочисленные полосы и блестящая станиолом одежда лохматого. Металлизированные полосы широко развевались, отчего казалось, что количество вражеских клинков почти бесконечно. Попробуй, уследи. И приходилось еще левой рукой прижимать к спине нескладеху ноктиса, который, будто назло, начал спотыкаться на ровном месте. Уже пару раз его костлявое тело выходило из-под защиты. Странно, что при этом он до сих пор не был ранен.

Не был? Но почему?

Потому, что целью незнакомца было не Имя, а имяхранитель.

Поняв это, Иван мигом успокоился. Раз подзащитному ничего не грозит, то и волноваться незачем. Проверив догадку, он заслонился глухим блоком, надежным, но укрывающим только его самого. При этом рука Ивана, державшая ноктиса в безопасном положении, донельзя неловко «соскользнула». Ноктис грохнулся прямо под ноги минотавру.

Иван пронзительно, с мукой и гневом в голосе вскрикнул.

Мечи с необыкновенной силой обрушились...

Конечно же, на имяхранителя!

Что и требовалось доказать. Бешеным наскоком оттеснив противника от ноктиса, запутавшегося в собственных конечностях, Иван перехватил оружие двумя руками, перестал пятиться и даже попробовал перейти в атаку. Продолжалось его наступление недолго. Минотавр взвинтил темп схватки. Удары раз от разу становились все тяжелее, и наконец хваленая белая бронза не выдержала. Жалобно хрупнув, чешуйчатая полоса кистеня лопнула. Ее гибель с блеском подтвердила догадку Ивана: ноктиса «человекобык» не мог уничтожить в принципе. Белая бронза проходит сквозь ночное воплощение Имени абсолютно без вреда. А промелькнувшая метка на одном из победоносных клинков извещала, что вышел он напрямик из логовской кузни. Второй меч, по-видимому, был его родным братом-близнецом.

Иван опустил руки и закрыл глаза. Смерть его не страшила. И не ее ли он искал, становясь имяхранителем? Обломок улыбнулся.

Мечи, стригнув воздух, коснулись его шеи. Кожу обожгло. Время остановилось.

Остановилось? Иван открыл глаза.

Вздохмаченный минотавр тяжело дышал. Маска сбилась на сторону, и он напряженно гримасничал, пытаясь поправить ее без помощи рук. Один рог загнулся, став похожим на кроличье ухо, другой отсутствовал вовсе. Иван, оказывается, действовал кистенем довольно удачно. К огромному сожалению, гордиться собой было преждевременно. Мечи все еще пребывали в опасной близости от его шеи. Клинки, которые он сейчас великолепно рассмотрел, формой походили на ползущих змей, а изготовлены были действительно из белой бронзы.

«Интересно, – подумал Иван, как долго это будет продолжаться? И, главное, чем закончится для меня? А для ноктиса?»

Стараясь не двигаться, он скосил глаза.

Ноктис опустился на корточки и увлеченно рассматривал здорового светляка, ползущего по кирпичному бордюру клумбы. Светоносная тварь была для него гораздо важнее имяхранителя, к чьему горлу приставил оружие странный незнакомец. Тюльпаны уже начинают отцветать, отметил Иван и вдруг изумленно приподнял брови и с нескрываемым восторгом хмыкнул. А когда любознательный минотавр мотнул башкой, попавшись на старый как мир обман, обломок молниеносно выбросил вперед руку...

Под маской скрывалось ничем не примечательное лицо мужчины средних лет, действительно отдаленно напоминающее бычью морду, – грубое, с плоским покатым лбом и чуть искривленным на сторону широким и длинным носом, развитыми скулами, покрытыми короткой густой щетиной, скошенным подбородком и толстыми бледными губами. Впрочем, бледными у него оказались не только губы, кровь отлила от всего лица. Иван бил хоть и раскрытой ладонью, но от души. Обморок минотавра закончится не скоро.

Татуировки над бровью, сообщающей о наличии «предохранителя», у мужчины не было. Даже фальшивой. И значило это, что разделать Ивана «а-ля парная оленина на ребрышках» быкоподобному рубака не мешало ничто. Абсолютно ничто. Не разделал, однако ж. Загадка...

Любознательный ноктис, безусловно, не мог обойти вниманием такую замечательную штуку, как мечи минотавра. Иван не препятствовал, наблюдая, как острия, убийственные для человека или животного, пронизывали плоть Имени без малейшего вреда, вызывая единственно взрывы восторга.

Собрав оружие, имяхранитель забросил расслабленное тело поверженного соперника на плечо и сообщил ноктису, что прогулка закончена. Ноктис не прекословил.

АРИН

Вчера. День (продолжение)

– Ну и где он сейчас? – спросил Логун со зловещей заинтересованностью. Не хотелось бы Ивану, чтобы о его местоположении спрашивались когда-нибудь таким тоном. – Сдох, что ли?

– Удрал, – сказал Иван. – Так прямоком с плеча и сиганул, что твой кузничек. Сперва на забор, с забора – на дом. Я такой прыти не ожидал. Он ведь висел мешок мешком. А догонять... Я же при ноктисе был. Разве его бросишь?

– Так оно, конечно... – неохотно согласился Логун, но тут же сорвался: – Э-эх, Ваня! Связать его надо было, что ли! А, да чего теперь... – Он погладил пальцами плоскость лезвия одного из фламбергов, отметил: – Не новые, поработали. – Справился вполголоса: – Откуда ж вы взялись, такие красавцы?

– Не то ты спрашиваешь, – сказал Иван. – Не «откуда вы?», а «для чего вы?» Для кого? Кому выгоден был этот спектакль? С ноктисом покончить не собирались, это совершенно точно. Со мной, очевидно, тоже. Значит?..

– Хотели как можно наглядней показать тебе, что клинки – мои. И разозлить вдобавок. Должно быть, так, – сказал оружейник.

– Угу. Вот и я так же полагаю. И был это человек, который наверняка знал о нашем с тобой знакомстве. А первое и основное – знал о твоём крутом нраве. И надеялся на мою неуравновешенность. Крайняя вспыльчивость обломков общеизвестна. Расчет, думается, был на то, что хоть один из нас, да непременно полезет в драку. И эти пламенеющие сабельки сыграют свою злую роль. Надеюсь, не стоит уточнять, кому предстояло отведать их остроты?

– Ладно, парень, ты меня вовсе-то за безрукого не держи! – сварливо прикрикнул Логун. – Чтобы кузнец, да мечом не владел! Где видано? Да я...

Пока мастер хвалился своим фехтовальным умением, Иван терпеливо помалкивал. Выпустив пар, Логун вздохнул:

– А вообще, ты прав, конечно. Так и растак, Ваня, ну кому я поперек горла встал? Нет, не соображу.

– Рынок сбыта? Узвзленная профессиональная гордость? – без уверенности предложил Иван. – Сипуха, скажем, или тот же Алмас.

– Ерунда! У них дела лучше моего идут. Они с заказчиками не привередничают и цену берут скромней. А по большому счету, не настолько их булаты хуже белой бронзы. Да и видом, между нами говоря, красивее. Причем, намного красивее. Нет, не то.

– Тогда наследство.

– Ты вот что, Ваня! – вспылит Логун. – За языком следи маленько! Наследство... – он хмыкнул. – Логуновский наследник еще у мамки в животе сидит, понял! Старуха моя бесплодная была. Что только ни делали за двадцать-то лет, все без толку. А как узнала, что мужику бес в ребро впрыгнул, сама ушла. Не скандалила. В храме Цапли сейчас, повивальной бабкой. Даже помолодела вроде. Я и женился опять, не гляди, что полтинник спраздновал. С полгода тому... А девку какую взял! Королевна! Тебе не покажу, – торопливо предупредил он. – Кто знает, вдруг у тебя глаз недобрый?

– Жалко, – сказал Иван. – Впрочем, ладно. Не за тем пришел, чтобы на королевну твою пялиться. Скажи-ка лучше, у кого ее отбил?

– А-а, вон ты куда клонишь... У кого отбил, тот не приревнует. – Логун внезапно замкнулся. Поерзал на стуле, кашлянул и предложил: – Давай-ка, Ваня, будем закругляться. Работы у меня невпроворот. Время на болтовню терять неохота. Тебя это дело вряд ли еще каким боком коснется. В сысской полиции ты, вроде, тоже не состоишь. Так что забудь. А о себе я сам позабочусь.

– Позаботится он! Сомневаюсь. А знаешь что? Ты найми меня, – предложил Иван, не торопясь прощаться. – Имяхранителем. Чтобы с полноименным разделаться, не обязательно его убивать. Ноктиса прикончат – сам в петлю полезешь.

– Мое Имя за ограду не ходит. А внутрь двора еще попасть надо. Кобелей видал?

– Видал, – сказал Иван. – Страшные. Только зря ты на них рассчитываешь. К твоему сведению, у самок горгов течка круглый год, и простые псы от их запаха с катушек полностью соскакивают. Это первое. Второе, охотятся горги чаще всего стаей, когда двое – кобель и сука, когда трое – сука и два кобеля, а соображают быстрее иного человека. Подытожу. Поскольку неизвестный враг с твоим скверным характером хорошо знаком, значит, обитает где-то рядом. Не сам, так его сообщник. Возможно, совсем под боком. Дворня у тебя многочисленная, подмастерья, молотобойцы... Глядишь, лунной ночью отопрет один из них ворота, посвищет особым образом, и...

На счастье полноименных, особого свиста, вызывающего горгов, в природе не существовало. Однако знать об этом Логуну было вовсе не обязательно. Пуганая ворона куста боится. Поэтому настращать мастера следовало покрепче. Раз уж самому присмотреть за ним не получится.

– Сук заведу, – отрезал Логун. – Прямо завтра.

Он поднялся и смотрел на Ивана с нетерпением.

– Последний вопрос, – сказал Иван, укладывая мечи в сумку. – Ты был готов ручаться, что целых триста сорок лет Логуну не производили пламенеющих клинков. Охотно верю. А раньше?

– Трудно сказать, – буркнул оружейник. – По преданию, первооткрыватель белой бронзы Симеон Лог жил довольно долгое время за Пределами. Похоже, был там обвинен в колдовстве. Ну, для полноименного не удивительно. Бежал на Перас. Чего и сколько он на Гее наковал, неведомо. Но запрет делать фламберги идет как раз от него. Наверное, причина была...

– Симеон был полноименным? Как и ты? Чудно! Так ведь, кажется, по наследству Имя не передается?

– Мужчины в нашем роду полноименные поголовно, – на удивление бесчувственно выговорил Логун.

Нет, он не хвалился, однако и не горевал. Признавал факт, и только.

– Такое вот фамильное уродство. Слушай, Ваня... я, правда, устал от тебя и твоих распросов. Уйдешь ты когда-нибудь?

Иван допил выдохшийся квас, вставая, подхватил звякнувшую сумку.

– А кистенек оставь, – буркнул Логун, – почию. Через неделю подъезжай за готовым. Лучше прежнего станет. И денег не возьму.

– Ты все же пораскинь мозгами на досуге, – посмотрел ему в глаза Иван. – Может, наймешь-таки меня, а?

– Ступай, говорю, – отмахнулся мастер.

* * *

День едва перевалил за половину. Погода стояла как на заказ: тепло и безветренно. Тонко, словно откуда-то издалека доносились ароматы цветущего сада. До обратного экспресса было еще долго, да Иван и не решил пока, уедет ли сегодня вообще. Слишком острыми были его вос-

поминания о минувшей ночи. И, выражаясь фигурально, отпечатки копыт проклятого мино-тавра вели почти наверняка в Арин.

Он брел, не обращая внимания на то, куда несут ноги. Улицы были пустынные – только vzdесущие бюсты да почти неотличимые от них городовые, позевывающие в обманной позе «рвение и бодрость на посту».

«Все вы тут одним миром мазаны! – с неожиданным раздражением подумал Иван. – Болваны сонные. Обыватели. Вас заживо резать будут, а вы только на другой бок повернетесь, да захрапите громче».

Ему вдруг неудержимо захотелось всколыхнуть этот дремотный плес, устроить какую-нибудь шалость. И он не стерпел. Дождавшись момента, когда поблизости совсем никого не оказалось, он воровато оглянулся и нахлобучил на макушку некоему «славному гражданину Арина эву Титу Комнину» панаму-кораблик. Иван соорудил ее из газеты, купленной у мальчишки-разносчика еще утром. Газета называлась «Аринский колбасник». За смешное название и купил, читать он ее не собирался. Кровянисто-красная надпись, образованная цепочкой стилизованных сосисок, гордо украсила борт бумажного корабля, только что сошедшего со ступеней. Панама села заливчатски, набекрень. Вкупе с устремленными в вечность очами, пушистыми бакенбардами и мясистым носом она придала лицу эва Комнина препохабное выражение.

Иван коротко гоготнул, сконфузился и поспешил спастись бегством.

«Все-таки есть вещи, которые нас, перионов, объединяют», – думал он с ноткой сентиментальности несколько минут спустя, усаживаясь на монументальную скамью из теплого камня дендронита. Скамья была совсем такой, как многие тысячи ее сестер в любом из населенных мест внутри Пределов. Высокая прямая спинка с орнаментом из двухголовых рыбащеров поверху, неудобные подлокотники, вытертое низкое сиденье. И привычен был платан, под которым она размещалась, и ароматный капустный пирог, с которым Иван собирался на этой скамье расправиться, тоже был вполне привычен. Холостяцкий перекус на бегу.

Неся в каждой руке по большой чашке с поднимающимся парком, к нему подошел дородный продавец съестного, предложил:

– Пить что-нибудь будем? Зеленый чай? Пивной шоколад?

Еще минуту назад пирожник разглядывал проголодавшегося обломка с подозрением, но, очарованный его щедростью (чаевых по обыкновению Иван не пожалел), моментально сменил отношение на противоположное.

Что представлял собою загадочный *пивной шоколад*, можно было только догадываться. Какао, сваренное на пиве? Брага, «гулявшая» на шоколаде, а сейчас подогретая? Что-то еще более экзотичное? Осторожный Иван предпочел не экспериментировать. Искать потом в чужом городе отхожее место, опасливо вслушиваясь в бормотание взбунтовавшегося кишечника, – слуга покорный!

– Чай, сахару побольше, – пробормотал Иван, энергично жуя. – Кстати, милейший, я слышал, Арин славен колбасами? Парочку сарделек с горчицей не соорудите? И еще пирога.

Пирог был хорош!

– Зеленый чай с сахаром? – пирожнику почти удалось скрыть недоумение. – Изволите вприкуску? У меня отменный тростниковый рафинад.

Иван изволил. Рафинад оказался и вправду отменным. Брошенный в чай, он растворился мгновенно. Иван с безмятежным видом помешал в чашке серебряным карандашиком, улыбнулся насупленному толстяку и принялся за обжигашую сардельку.

Смакуя взятую на десерт трубочку с взбитыми сливками, он поглядывал в спину удаляющемуся пирожнику. Тот катил свою благоухающую выпечкой тележку как раз туда, где давеча один вероломный гость Арина непочтительно созоровал над бюстом уважаемого Тита Комнина.

Потом мимо Ивана прошествовал городской. Мина у блюстителя порядка была самая значительная, Иван условно присвоил ей наименование: «неусыпное рвение и выдающаяся бодрость на посту, возымевшие результатом пресечение правонарушения». В брезгливо отставленной руке он нес злосчастную газетную шляпу. На взгляд имяхранителя, городскому стоило бы больше внимания уделить не бумажному головному убору, а подозрительному обломку с еще более подозрительной сумкой.

Когда городской с «Аринским колбасником» скрылся из виду, Иван закинул ногу на ногу и начал размышлять. Итак, что мы имеем помимо сарделек и пирога в желудке? Логун его выслушал, согласился с выводами, а после – скоренько выводил. И это вместо того, чтобы обдумать совместно дальнейший план защиты от новых нападений. Более чем вероятных. Не совсем понятно и совсем нелогично. Иван, конечно, мог махнуть на старого упрямяца рукой, несмотря на свою к нему симпатию. Несмотря даже на то, что против оружейника пытались нахально использовать его самого (чего прощать, в общем, не следует)... если бы Логун не был полноименным. Вполне реальная угроза для Имени Логуна – вот что не давало имяхранителю успокоиться, сесть в обратный «сквозной» и забыть Арин надолго. А лучше навсегда.

Так, подумал Иван, попытаемся еще разок прикинуть, что к чему.

Логун встревожился и начал сворачивать разговор, когда я предположил, что в основе злого умысла лежит ревность. Следовательно, посчитал, что так оно и есть, но впутывать постороннего не захотел. Похоже на правду? Очень похоже. Поэтому двигаемся дальше. А почему не захотел впутывать постороннего? Потому что решил разобраться самостоятельно. Объяснимо? Да, конечно, если потенциальный ревнивец – близкий Логуну человек. И в таком случае соваться со своими детективными услугами впрямь не стоит, дело это глубоко личное. Но что если версия о любовном соперничестве, толкающем на преступление, хоть и правдоподобная, однако насквозь ложная?

М-да, задача... Что ж, взялся искать – зовись сыщиком.

Тогда, господин новоявленный Нат Пинкертон, нужно вам поискать другой вариант. Попробовать сплясать сызнава, опять-таки от печки. То есть от пламенеющих мечей.

Значит, мечи. А кто у нас знает об оружии если не все, то очень много? Кому в первую очередь поставляют извне колющий, рубящий, режущий товар контрабандисты? К кому спешат за самым-самым лучшим клинком знатные перасские фехтовальщики? Разумеется, к дему Тростину, владельцу лучшего внутри Пределов оружейного магазина и богатейшего в Арине винного погреба.

Иван числил Тростина своим добрым приятелем. Во всяком случае, на «ты» они перешли давным-давно. Между прочим, с того дня памятен Ивану следующий казус. Когда они выпили на брудершафт, когда расцеловались и крепко похлопали друг друга по спине, Лео с печальной усмешкой сообщил, что Ивану следует знать: «Тростин» произносится все-таки с ударением на последний слог. Иное произношение неверно и отчасти даже оскорбительно. Поскольку фамилия древнейшая и некогда означала что-то весьма существенное, однако ныне – увы и ах! – решительно забытое. Зато все Тростины твердо помнят: перемена ударения меняла значение на абсолютно противоположное. Например, «благородный рыцарь» – «подлец законченный».

Выслушав справку, Иван искренне огорчился и заявил, что теперь он прямо-таки обязан выкупить самую залежалую, никчемную и дорогостоящую безделицу во всем «Эспадоне». В порядке минимальной компенсации за нанесенную обиду. Лео каркал: «Никогда!», Иван в рифму вторил: «Я преставлюсь со стыда!» Перепалка свежее испеченных друзей завершилась возле кассового аппарата. Иван сделался обладателем жутко дорогого складного ножичка из зеркального Алмасовского булата. Ножичек, совсем крошечный, был красив, точно редкая драгоценность, остер, точно бритва, и совершенно Ивану не нужен. Он вручил его впоследствии одной из Цапель, слишком уж любившей командовать там, где ей больше надлежало

подчиняться, и к тому же крайне острой на язык. Чертовка, кажется, отлично разобралась в символике подарка и была им премного довольна.

Каждый приезд в Арин (которые сделались особенно частыми в период изготовления кистеня и метательных фрез) сопровождалось для Ивана традиционным посещением «Эспадона». Там они с Лео приговаривали стопочку-другую-третью бальзама и разыгрывали партию-другую-десятую в бридж. Первую партию неизменно выигрывал Иван, остальные – Тростин. Память торговца никогда не подводила, бальзам почти не пьянил, он оставался трезво расчетливым. Ивана же губил азарт, возраставший в геометрической прогрессии от выпитого.

Кроме того, они болтали об экзотических видах холодного оружия, достоинствах и недостатках оружия метательного вообще и пружинного, в частности. Сетовали на ничтожно малую внутри Пределов эффективность оружия огнестрельного. Эрудиция Тростина в области оружейведения поражала. Он способен был часами рассказывать о старых мастерах и их творениях. Был знаком, кажется, со всеми современными мастерами. Знал бесконечное количество связанных с оружием исторических анекдотов, и так далее и так далее.

Натурально, Лео следовало навестить во что бы то ни стало.

К несказанному разочарованию Ивана «Эспадон» оказался закрыт. Двери переkreщивали металлические перекладыны с замками, раздвижные решетки на окнах были опущены. Иван обошел дом, сунулся во двор, но и задняя калитка была заперта тоже. Лео, а вместе с ним и Валентин, отбыли в неизвестном направлении.

– Ну и куда мне сейчас податься? – вздохнул Иван, обращаясь за неимением других слушателей, к собравшимся у его ног голубям. – Есть, сударики мои, такая штука – случайность. Препаскудная штука. Она разрушает самые великие замыслы. Губит самые тонкие механизмы. Например, от пустяка, от песчинки, случайно попавшей в выпускной канал, сплошь и рядом взрываются теплородные двигатели автомобилей...

Не успев договорить, он схватился за голову. В ушах загудело, и как будто тонкий, бешено крутящийся бур вошел в затылочную кость. Арин для него исчез...

...Грохот! Рваные обломки, еще мгновение назад бывшие красивым, великолепным скоростным «Кентавром», разлетаются на десять саженей вокруг. Ивана под вздох ударяет что-то острое, в глазах мутится от боли, а когда проясняется, он видит... Дородный мужчина сидит, неловко вытянув прямые ноги, прижимая к груди саквояж из ковровой ткани, словно саквояж этот самое ценное, что есть на свете, и трясет головой. Глаза мужчины безумны. Иван знает, что это пассажир. Наверняка контужен, думает он в следующий момент, и мысль эта злорадна. Другой мужчина, худой и длинный как жердь, весь в черном, облегающем, настойчиво ползет и ползет куда-то поперек дороги – медленно-медленно. За ним тянется влажный след, голенища его сапог оканчиваются какими-то ошметками. Кажется, ему оторвало ступню, если не обе. Это водитель, знает Иван; и еще он знает, какие у этого калеки были грандиозные замыслы всего за секунду до взрыва.

Потому что зовут того Платон Ромас. Он приходится младшим братом императору Василию XVIII, месяц назад свалившемуся с жестокой и, похоже, смертельной болезнью. Пассажир же – никто иной, как Младенец-Первенец, главный жрец Пантеонийского храма Фанеса. Тот, что согласился выполнить негласное миропомазание самозванца. Всяческие негодяи и просто дураки перешептываются повсюду, уже почти не скрываясь: «Слышали, даже гвардия готова присягнуть ему!». Относительно гвардии – грязная ложь, уверен Иван. Уверен так, словно сам один из оклеветанных преторианцев. Тех, у кого нет права без прямого императорского приказа арестовать вероломного великого князя, а есть только право бессильно скрежетать зубами да заступать в никчемные – накануне дворцового переворота, проклять! – караулы. Да после напиваться до потери памяти и ждать, ждать, ждать короткой и неумолимой, словно удар стилета, команды: «Вяжи!». А император то в бреду, то в беспамятстве. А полковник все колеблется, – трус! трус! – не смея преступить

Устав Преторианской гвардии. А лейтенанты на глазах сатанеют, и уже остро и опасно пахнет от них горячим мускусом близкого кровопролития. Большого кровопролития, страшного. И верный способ не допустить боины существует только один. Один-единственный. Пролить кровь малую. Великокняжескую.

«...уже своим считал ты императорский венец», – сбивчиво шепчет Иван, шагая сквозь туман к городу несколько минут спустя после взрыва. На руках у него – недвижимое тело, затянутое в черную кожу. Иван спешит. Раненого нужно спасти во что бы то ни стало. Иван продолжает шептать, хоть и понимает превосходно, что великий князь Платон Ромас его не слышит: «Но императорская власть – не призовой кубок, который может выиграть всякий, у кого достанет честолюбия, проворства и везения. Она дается свыше, и тебе ведомо это лучше, чем кому-либо другому. Вот почему ты так люто боялся и тех, кто безмолвствовал, и тех, кто глухо и недовольно ворчал. А хуже всего – тех, кто настойчиво подталкивал тебя к этому шагу. Вот почему ты не доверял никому, вот почему сам отправился за Младенцем-Первенцем. Тайком, под прикрытием глухого предрассветного “часа совы”. Да и себя ты тоже боял...»

На полуслове Иван спотыкается, семенит, пытается сохранить равновесие, но – прах преисподней! – нога подворачивается, и он падает. Лицом вперед. Чудом успевает извернуться, и вот уже земля жестоко бьет его в лопатки и в затылок. В животе с явственным звуком что-то рвется. Черное тело накрывает его сверху. Несостоявшийся государь (безногий на троне – абсурд; калекам внутри Пределов место одно – на острове Покоя и Призрения) вопиюще вскрикивает. Ввысь взлетает его костистый, грозящий неведомо кому кулак...

В настоящее имяхранитель вернулся с гудящей головой и сразу же взалхлеб закашлялся: ему показалось, будто рот и глотку заполнила хлынувшая изнутри пузырящаяся кровь.

Наваждение отступило не скоро. Он утер рот платком.

Голуби, потеряв к странному человеку интерес, разбрелись по двору. Их волновали только крошки. Случайность? Единственной случайностью, которая могла как-нибудь всколыхнуть сытое бескрылое существование голубей, стало бы неожиданное возникновение в окрестностях приبلудного кота-чужака. Всем аринским кошкам, появившимся на свет под хозяйским присмотром, на третьей неделе существования вживлялся «стопник». Почти такой же, какой полагается перасским фехтовальщикам. Охотиться несчастные зверьки еще были кое-как способны, но убить жертву не могли физически. Судороги, возбужденные «стопником», вывернули бы их наизнанку.

Кстати, беспризорных кошек Иван здесь пока не встречал. Зато встречал беспризорного мальчишку, который, по его собственным словам, знает в этом городишке все и всех. Что имяхранителю сейчас и требовалось.

* * *

Вик спал крепко, прислонившись спиной к колесу таксомотора. Потрепанная книжица, навевшая столь сладкие грезы, валялась рядом.

«Рильке. “Часослов”», – разобрал Иван и подумал: «Ничего себе!».

Рот Вика был полуоткрыт, и один из фореиторов подкрадывался к нему с явным намерением сунуть туда жука. Жук был размером со сливу, коричневатого-черный, с отливающим синеву брюшком. Без сомнения, навозный. Второй затейник нетерпеливо поглаживал грушу автомобильного клаксона. Замысел их был стар как мир и прозрачен, как стекло: бережно-бережно, нежно-нежно вложить насекомое бедолаге в рот и тут же загудеть изо всей мочи. От неожиданности проснувшийся мальчишка резко сомкнет челюсти. Хруст хитина на зубах Вика должен был стать им наградой за остроумие. Рожи шутников выражали живейший азарт.

Ивана они не замечали.

– Подъем! – гаркнул Иван. – Вик, дружище, подъем! Дело есть.

Парнишка захлопнул рот, отклеился от колеса. Вскочил, недоуменно глянул на форейтора, замершего в нелепой позе. Вмиг сообразил, для кого приготовлен навозник, и покрутил пальцем у лба. Подобрал книжку, сунул в карман и устремился к Ивану.

Клаксон запоздало разразился прерывистым задушенным воплем.

– Добрый день, имяхранитель. – Глаза Вика поблескивали, в них не осталось и намека на сонливость. – Дело есть, говорите? На сколько потянет ваше дело в старых добрых «василиях»?

– По правде говоря, случалось мне видывать дни и добрее сегодняшнего, – сказал Иван, нарочито затягивая вступление. Он внезапно засомневался, стоит ли посвящать Вика в суть дела. – А потянет... потянет минимум на декарт. Если согласишься помочь.

– Неужели я похож на человека, который способен отказаться от декарта?

Иван неопределенно хмыкнул – дескать, всякое бывает.

– Кого надо зарезать? – предельно деловито осведомился Вик. – Учтите, за срочность я беру тридцать процентов сверху. За полноименного – втрое, а за члена императорской фамилии – впятеро против исходной цены. – Он не выдержал взятого тона и прыснул. Добавил грозно: – Впрочем, клоунов в желтых регланах я готов прикончить совершенно бесплатно.

Обозванные клоунами форейторы тем временем пришли в себя и счастливо гоготали над собственным конфузом. Устрашающее замечание Вика лишь добавило веселья.

– Ну, резать, положим, никого не придется, – сказал Иван. Затем, вздохнув, решил: – Во-первых, мне нужны некоторые сведения о личной жизни эва Логуна. Знаешь такого?

Вик кивнул.

– Превосходно. Во-вторых, сведения о... – Иван чуть было не ляпнул: «личной жизни твоего брата», но, слава Фанесу, успел вовремя остановиться. – ...о владельце «Эспадона» деме Тростине и всем, что связано с ним и его магазином.

– В подробностях? – уточнил Вик.

– Насколько позволяют правила приличия, – сказал Иван.

– Да какие там приличия! Скандал-то был о-го-го! Лео, когда узнал, что Роза за старого Логуна выходит, так взбесился, что...

– Постой, – оборвал тараторящего юнца Иван. – Какая Роза? Что за скандал? О чем ты?

– Ну как... – озадачился Вик. – Роза, воспитанница Лео Тростина. Видели красотку в доспехах с рекламной линзы? Или с фантом-проектора в «Эспадоне»? Она самая и есть, Роза. Логун на ней женился, а Лео этого не вынес. Только-только от лимонадов девчонку вызволил, и на тебе, такой подарочек!.. А вы разве не о том спрашиваете?

Иван сделал ему знак: погоди. Надо признаться, он не ждал, что все объяснится так просто. Не было ни чарки, да вдруг ендова! Получается, молодая жена Логуна – приемная дочь Лео Тростина, известного любителя завитых мальчиков и ненавистника лаймитов-лимонадов? Фанес всеблагой! Так вот почему Логун сказал, что из-за девицы никто его ревновать не станет. Ох, и болван же этот полноименный! Да ведь Тростин дюжину самых смазливых юношей удавит собственными руками по одному взмаху ее ресниц. Иван не раз видел, как мука и тоска наполняют глаза Лео, глядящего на оптический фантом прекрасной воительницы. Воспитанной им в обожании, бывшей ему милой дочерью и бросившей его, точно падчерица. И вот, когда он сумел ее вернуть от лимонадов – новая беда вместо радости.

Иван поднял глаза:

– Вводная меняется. Мне крайне спешно надо разыскать дема Тростина. В лавке его нет. У тебя имеются какие-нибудь соображения?

– Соображения? Да я точно знаю, где он сейчас, – уверенно сказал Вик. – Только это далеко. Пешком топать замаемся. На колесах бы... – Он выразительно посмотрел в сторону таксомоторов. – И клоуны как раз без дела истомились. Скоро сами начнут жуков ради развлечения жрать. Прокатимся с ветерком?

Иван отрицательно замотал головой. От одной мысли о езде в авто рот его наполнился тягучей слюной. У слюны был горький привкус желчи.

– Ни за что! – Он умоляюще посмотрел на Вика. – Слушай, неужели во всем Арине не сыщется другого транспорта, кроме этих адских экипажей?

Вик неуверенно хмыкнул и завел очи к зениту. Определенно, ему до чертиков хотелось «прокатиться с ветерком» как раз на одном из «адских экипажей». Сидеть в пассажирском салоне и покрикивать на форейтора в развязной купеческой манере: «Эй, Ванька! Жарь в пространство, авось доедем до города Астраханска!»

Время утекало, Вик продолжал изучать бег облачков, изображая напряженную работу мысли. С этим необходимо было что-то делать. Имяхранитель пошарил в сумке, бросил рассеянный взгляд на появившуюся в результате между пальцами ассигнацию. Зашуршал ею. Испытанное средство не подвело и на сей раз. Пальцы Вика проворно сомкнулись на купюре, лицо озарил свет вспыхнувшей идеи:

– Эврика! А давайте мы к бабке Люции заскочим? – От избытка нахлынувших эмоций он даже хлопнул себя по ляжке: – Ну, точно, как это я сразу не допер! Она наверняка туда же собирается. Лишь бы не уехала до нашего прихода. Сейчас который час?

– Без четверти три, – сказал Иван.

– Успеем, – сказал Вик. – Пошли.

Они быстро зашагали, держа путь в северную часть города. Побывать в ней Ивану случая пока не представлялось. Он считал, что там вообще нет никакого жилья – столь густо и вольно росли деревья. Конечно же, он заблуждался. Судя по дворцам, сокрытым буйной зеленью, по крепким молодчикам со скучающими лицами, но живыми глазами, что прогуливались перед калитками из кованого железа, это был район обитания местных богатеев. Последние сомнения исчезли, когда навстречу им прошествовала парочка ослепительных молодых женщин в дорогих нарядах, сопровождаемых напыщенным господином с предлинной саблей на боку. Драгоценности красавиц и рубин размером с грецкий орех на рукоятке оружия послужили достаточным основанием, чтобы убедиться – жители этого пригорода не бедствуют.

– Скажи-ка, зачем этой твоей бабке Люции понадобилось туда же, куда нам? – спросил Иван, провожая женщин восхищенным взглядом. Спутник красавиц обернулся и адресовал ему сердитый жест, троекратно громыхнув ногами о шпору. Иван примирительно поднял раскрытую ладонь. – И, кстати, куда «туда»?

– Да в «лимонадник»! У них же сегодня большой праздник, у лаймитов. День Срезания Кожуры или что-то вроде того. Туда сегодня многие отправятся. Лимонады обещают, что как только они эту свою кожуру с чего-то там срежут, обнажится драгоценная сердцевина мира. Будто бы на всех, даже на неверующих тотчас снизойдет благодать. Мало того, еще и бог какой-то явится. Лучезарный, вроде. Именем Регл. Как это... ага, вспомнил! «Свечение лика его, желтое и оранжевое, подобное солнечному в день ясный, омоет верующих, и радость их умножится стократ и стократ». Имеется, правда, одна закавыка. Всеблагим Регл будет, только если обряд проведут соответствующим образом. Главное условие – любовь. При отсутствии самоотверженной любви лимонада к лимонаду, а в особенности при кровавом жертвоприношении Регл явится в облике чудовища. «И следовать будут за ним легионы тритонов огненных, пламенем сжигающих плоть человека, зверя, птицы...» – произнося эти слова, Вик сделал «страшные глаза». – Обещаны также аспиды длиною в семь локтей с быстрым смертоносным жалом. И, кажется, жабы плотьядные, состоящие из спеченной земли. А также какие-то особенно страшные «ваятели праха». Так что: или – или.

– Будем надеяться, лимонады не ошибутся, – сказал Иван, в который раз отмечая про себя, что Вик далеко не так прост, как хочет казаться. Откуда, помилуйте, у обычного городского попрошайки столько тонкой насмешки в голосе, когда он произносит (не запнувшись, между прочим) «драгоценная сердцевина мира» и цитирует наизусть сакральные лаймитские

тексты? И почему здешние привратники, Ивана прямо-таки пронизывающие недоверчивыми взглядами, смотрят на Вика без малейшего подозрения? А почему мальчик на них вовсе не обращает внимания?

– В общем, они много всего обещали, – продолжал заливаться Вик. – А почтенная арх-эвисса Люция Комнин является владелицей почти трети мандариновых рощ в Арине. И той, где вся эта чепуха состоится, тоже.

– Комнин? – заинтересовался Иван. – Встречал я тут давеча бюст одного Комнина. Этакий почтенный муж с окладистыми бакенбардами и мудрым взглядом. В треуголке, – добавил он после секундного колебания. – Родственник эвиссе Люции?

– Ну, а как же! Батюшка ее. Удивительно, что вам всего один его бюст попался. Насколько знаю, ровно полторы дюжины памятников эв Комнин себе сам заказал, при жизни. Через подставных лиц, понятно. А то горожане, дай им волю, непременно приладили бы его голову к телу Приапа. Очень уж приволокнуться любил. Вот только... в треуголке... я такого что-то не припоминаю.

– Давай-ка к Люции вернемся, – предложил Иван, почувствовав, что разговор стремительно уходит в сторону. Пусть более занятную, но к делу отношения не имеющую.

– Давайте, – с легкостью согласился Вик. – Дама она строгая, но, в общем, не злая. Раз святилище лимонадов на земле Комнинов оказалось, предложила им уговор: пускай за деревьями ухаживают и лагерь свой содержат в опрятности – ну, не гадят по-свински; а она их не выставит взащей. Все полюбовно. Те, понятно, рады стараться – гусениц обирают, земельку рыхлят. Идиллия! Сегодня-то наверняка ее пригласили. Уважают!

– Лео они, надо полагать, тоже пригласили? – с капелькой яда в голосе осведомился Иван. – И тоже, разумеется, из уважения... Откуда ты знаешь, что дем Тростин с Валентином обязательно там, и нигде больше?

– Насчет этого засранца Валентина, – брезгливо выдавил Вик, – я ничего не скажу. А дем Тростин... Как же без него? Тростин у лимонадов главный. Он ведь и будет кожуру срезать.

Оказалось, что за те полгода, в течение которых Иван не бывал в Арине, случилось многое. Лео, отчаявшись вернуть Розу каким-либо из традиционных родительских способов, решил поступить довольно необычно: проникнуть в самое сердце лаймитской общины. А затем, возглавив ее, уничтожить изнутри. Для настойчивого, умного и богатого торговца, блестяще знающего людей, не составило труда осуществить первую часть плана. Он не только заслужил полное доверие лимонадов, но сделался первым из их вождей. «Вечно юным гиссервом, твердым держателем Ножа Вешнего». Однако в ту минуту, когда блудная дочь припала к отеческой груди, Лео понял, что сам незаметно превратился в убежденного лаймита. И потому ничего разрушать не станет. Более того – продолжит с преумноженной твердостью держать Нож Вешний. А вразумленное дитя будет обнимать свободной рукой. Да только Роза – ох уж, эти взрослые дочери! – внезапно охладела к лаймизму. Зато воспылала страстной любовью к эву Логуну. Вошла в его дом законной женой. Забеременела.

Бедный Лео вновь остался ни с чем! Если, конечно, не считать того, что под началом у него имелась отныне целая армия приспешников, свихнувшихся на божественной сути цитрусовых. Наступающей ночью новоявленный гиссерв должен свершить то, что предначертано свыше: пустить пресловутый ножик в ход. Срезать некую кожуру.

Можно было лишь предполагать, что этот знаменательный акт означает на деле. Скорей всего, какое-нибудь более или менее невинное представление. С фейерверками, карнавалом и потоками фруктового сока, в котором все присутствующие, разумеется, перемажутся с маковки до пят. После чего упьются аринским бальзамом и разбредутся по благоуханным окрестностям для исполнения древнего, как сами Пределы, обряда плодородия.

Все это не страшно. Другое страшно. Как бы под шумок не снял злопамятный Лео кожуру еще и с мастера Логуна. Карнавал предполагает обилие масок и дурацких костюмов – чем не

способ отменной маскировки? Чем не возможность обеспечить непроверяемое алиби? Можно исчезнуть совершенно незаметно, исполнить задуманное и так же незаметно вернуться. Особенно, если у гиссерва Тростина имеется сообщник.

Сообщник... Иван немедленно вспомнил напавшего на него прошлой ночью человека в бычьей маске, так ловко умеющего обращаться с мечами. И притом совершенно не озабоченного отсутствием у себя какого-то там «стоп-пульсатора». И еще вспомнил имяхранитель, где видел такие же одежды, как у рогатого меченосца. Обшитая массой матерчатых полосок одежда – излюбленный наряд лаймитов. И значит это, что сообщников у Лео может оказаться целый легион.

«Быть того не может, – подумал Иван, – чистой же воды паранойя! Или все-таки может?..»

– Фанес предобрый, – прошептал он. – Умоляю, сделай так, чтобы я ошибался!

* * *

– Бабушка, это Иван из Гелиополиса, – выпалил Вик. – Представляешь, он имяхранитель! Вызывает уважение, правда? Но, знаешь, он еще и отменно славный дядька сам по себе. Он очень, очень нуждается в помощи. Ему решительно необходимо присутствовать на сегодняшнем лаймитском шабаше. Ведь мы ему поможем, да? Иван, это моя бабушка, архэвисса Люция Комнин.

Иван потупил глаза. Вот так конфуз! Куда теперь прикажете глядеть? В землю? Только и единственно в лицо собеседнице?

Не иначе. Потому что куцый френчик с похожими на стрижиный хвост фалдами крайне легкомысленно открывал к обозрению обтянутые лосинами ноги архэвиссы Комнин. Ноги были тонкими, и даже тощими, с неумолимо выступающими старческими коленями. Об икрах так и вовсе упоминать неприлично. Лет архэвиссе Комнин было... не сто, конечно, но под восемьдесят, пожалуй. В руке она небрежно держала хлыстик, на сапожках присутствовали шпоры – верно, заядлая лошадица. Однако конюшной от нее не пахло, а пахло горько и пряно степными травами.

– Архэвисса!.. – сказал Иван, преклоняя колено, а заодно голову. – Счастлив познакомиться.

«Определенно, – подумал он, – эту бравую пожилую даму я уже встречал. Когда же и где? Ба, ну конечно! Первое посещение Арина. Гнедой жеребец в яблоках с нелепой кошелкой под хвостом. Только вместо сегодняшнего жокейского шлема была тогда на ней, помнится, шляпка с вуалеткой».

– Полноте, молодой человек. Да разве ж пред вами такая невозможно древняя развалина, что приставка «арх» кажется необходимой? – иронически спросила Люция, поигрывая хлыстиком.

Старушка явно напрашивалась на комплимент. Трудно определить, какова она была в молодости, хороша ли собой, но сейчас, высушенная до костяной твердости, похожая обострившимися чертами лица на ящерку (и ящерку небывалую – с усиками щеточкой), казалась почти страшной. Даже улыбка, обнажившая желтоватые зубы с золотыми коронками на всех четырех клыках, почти не красила ее. Годы, сколько было прожито, оставили архэвиссе Комнин свои отметки. Все до единого. Вряд ли она об этом не знала. И значит, вопрос был чем-то вроде экзамена.

Иван поднял голову и, устремив взгляд прямо ей в глаза, заявил:

– Подобное обращение, как мне видится, знаменует в первую очередь уважение к положению человека в обществе. И уж только во вторую – его возраст.

– Но вторая очередь является при этом второй очень условно, – усмехаясь, уточнила Люция. – Не так ли?

– Так, архэвисса, – выдерживая характер, сказал Иван.

Старуха удовлетворенно кивнула.

– Что ж, Иван, преамбулу будем считать законченной. Поднимайтесь. Не терплю этих китайских церемоний. Я, знаете ли, чрезвычайная прогрессистка и феминистка. Хотя, пожалуй, не агрессивная. – Она на секунду задумалась. – Ну, разве что изредка. Буду рада, коль вы станете обращаться ко мне без манер, «сударыня». Или даже по имени. Согласны?

– Согласен, сударыня.

– Великолепно. К лаймитам я вас, конечно, отвезу. Сама, видите, собралась, – она прикоснулась хлыстом к жокейскому шлему. – Правда, в мои планы входило путешествие не на коляске, а верхами. За город предпочитаю выезжать почти исключительно верхами. Не желаете ли разделить удовольствие? Подходящий костюм, думаю, отыщем.

– Предпочел бы экипаж, – сказал Иван. – Поскольку не вполне уверен в своих способностях к... как это?... гарцовке?

– О да, к гарцовке, – рассмеялась Люция (Вик тоже прыснул). – А также к галопированию и рысачеству. Хорошо, экипаж так экипаж. Но для начала мы легонько поужинаем. Мужчине с такими дивными габаритами, как у вас, подкрепиться не повредит никогда. Да вы, поди, и не ели еще сегодня толком?

Иван неопределенно качнул головой и развел руками.

– Я права, – заключила архэвисса. – Пройдемте на веранду. Предпочитаю устраивать трапезы именно там. Люблю, знаете ли, свежий воздух.

Они двинулись к дому.

– Виктор, мальчик мой, – нахмурилась Люция, когда они оказались перед столом, – ты-то куда? Не спеши-ка усаживаться. Тебе, знаешь ли, необходимо сначала привести в порядок лицо и руки и сменить одежду. От тебя, прости, пованивает. Изволь, милый внук, следовать заведенным в доме гигиеническим и эстетическим правилам. Шагом марш в ванную!

Вик испустил вздох страдальца и побрел в дом.

– Славный парень, – сказала эвисса Комнин, когда он удалился. – Самостоятельный. Независимый. Представляете, возомнил, что богатство, нажитое предками, тратить на собственные нужды предосудительно. Результат налицо. Вместо внука-кадета, каким он был совсем недавно, я имею сейчас внука – стихийного анархиста. Шляется по улицам, дружит с какими-то одиозными субъектами, едва ли не безымянными, и уж, разумеется, поголовно непризнанными гениями. Под лавками ночует. Прудона почитывает, Бакунина. Откуда литературу берет, понятно – со всеми местными контрабандистами на короткой ноге. За Пределами бывал, о том знаю доподлинно. Я пока что не препятствую, пусть живет, как считает правильным. Конечно, до тех пор, пока бомбы мастерить не начнет.

– Бомбы внутри Пределов не взрываются, – резонно заметил Иван. – Во всяком случае, сколько-нибудь годные к скрытому ношению. А такая, которая взорвется, должна быть размером... да почти с этот стол. И веса соответствующего. Для самодеятельного террориста мало подходяще.

– Знаю, знаю. Но что, если эти сбрендившие колонны – в самом деле непризнанные гении? Откроют какой-нибудь кардинально новый закон природы и – бум! Полгорода на воздушных.

– Вряд ли, – протянул имяхранитель с сомнением.

Сомнение в первую очередь относилось к собственным его словам. В голову настойчиво лезла мыслишка о том, что Вик отнюдь неспроста крутится возле таксомоторов. Чем автомобиль не адская машина? Тут вам и убийственная начинка, сокрытая в двигателе многошагового расширения (особенно некоторым образом доработанного), тут вам и средство быстрой доставки. Тут и отменная маскировка.

«Экая все дрянь тебе сегодня мерещится», – осадил он себя и повторил твердо:

– Вряд ли.

– Ох, только этим и успокаиваюсь, – сказала Люция. – Догляд за ним, безусловно, существует. Негласный, но плотный. Хватит мне и того, что одного уже прозевала.

– Имеете в виду Валентина?

– Его. – Люция ничуть не удивилась осведомленности собеседника. – Я, признаться, всегда ждала от внуков чего-то подобного. Даже худшего, пожалуй. Понимаете, дочку, их мать, я родила нечаянно и очень поздно, мне уж изрядно за сорок было. А от кого! Извините за подробности, но это был самый настоящий жиголо – да такой, что пробы негде ставить. Вдобавок извне. Вообразите! Каталонский кабалеро, как сам он любил представляться. Этакий Гильем де Кабестань нашего времени. – Люция невесело усмехнулась. – Но, как бы то ни было, я давно уже перестала стыдиться этого.

Иван из вежливости придал лицу понимающе-скорбное выражение. Имя человека, с которым Люция сравнила своего давнего беспутного возлюбленного, было ему совершенно неизвестно. Но при этом почему-то ассоциировалось с гудением ветра в корабельных снастях, скрипом лебедек, запахом рыбы и просмоленной пеньки⁴. Он покачал головой и сказал:

– Помилуйте, сударыня, чего вам стыдиться! Мы тут до сих пор не выродились в скопище уродов, безымянных да скорбных умом только благодаря лучшим из наших женщин. Тем, которые не боятся любить мужчин извне.

– Возможно, вы правы, Иван. Жаль только, не в моем случае. Девочка удалась в папу. Прехорошенькая, но сумасбродная. И, к сожалению, весьма недалекая. Мне заниматься ею некогда было. Да чего там юлить, не больно-то и хотелось. Отдала в пансионат. Лет пятнадцать ей только-только исполнилось, глядь – она уж на сносях. Двойню ждет. Заявила, что понесла от самого великого князя. Помните, наверно, был тогда такой, Платон Ромас?

– Плохо, – не своим голосом сказал Иван. – Почти вовсе не помню.

– Отчего же? – удивилась Люция.

– После потери Имени и не то бывает, – буркнул Иван, пряча глаза.

– О... Я, должно быть, сделала вам больно? Простите, если так.

– Пустое. Дело давнее. Пережитое и накрепко забытое.

– Склоняю голову перед вашим мужеством, – сказала Люция торжественно. – Верите ли, всегда отчаянно завидовала полноименным. Но сама никогда не мечтала стать таковой. Именно поэтому, из-за Имени, из-за горгов. – Она умолкла. Тряхнула головой, энергично провела рукой по лицу, по глазам, словно отгоняя сонливость. Встрепенулась: – Так вот, возвращаясь к его сиятельству... У-у, великолепный, скажу я вам, был мужчина, вели-ко-лепнейший! Этакий, знаете, высоченный красавец. Спортсмен, известный дамский угодник и поэт-бунтарь. Усы как шпаги, глаза как факелы. Мефистофель! Во множестве девичьих сердец занимал он долгие годы место вождя сказочного принца. Однако при живом императоре и здоровом цесаревиче пребывал в роли вечного холостяка, как велит кодекс престолонаследия. Думаю, бесило это его невероятно. Я даже помню кое-что из его стихов по этому поводу... Сейчас... Ага...

Люция нахмурила брови и продекламировала, отбивая ритм хлыстиком:

Это –

(Слева и справа

Несутся уже на рысях.)

Это –

⁴ Гильем де Кабестань – каталонский рыцарь и куртуазный поэт XII-XIII вв. Кабестан – лебедка с вертикальным валом, применяемая на речных судах.

(Дали орут:
Мы сочтемся еще за расправу.)
Это рвутся
Суставы
Династии данных
Присяг...⁵

– Грозно, верно же? Между прочим, решителен Ромас был не только на словах. Около шести лет назад ходили упорные слухи, якобы он, пользуясь болезнью брата-монарха и малолетством и слабостью наследника, вероломно посягнул на трон. Впрочем, неудачно. Он едва не погиб буквально накануне подготовленного уже коронования. Покалечился чудовищно, лишился обеих ног. Постойте-ка, – спохватилась Люция и подняла ко лбу пальчик, – постойте, постойте. Да ведь, кстати говоря, шептались в связи с этим как раз о некоем таинственном бомбисте, подосланном Коллегией общественного здоровья. Вот вам и «невозможно»!

– Вздор, – горячо возразил Иван, пораженный совпадением недавнего собственного «прорыва памяти» и темы, поднятой Люцией. – Фантастический вздор и ахинея. Сударыня вы моя! Да с вашим-то жизненным опытом стоит ли верить сплетням?

– Сплетням, наверное, не стоит, – нехотя согласилась Люция, тут же оговорившись: – А впрочем, всяко бывает. Иной раз и самые пустые сплетни могут на что-нибудь сгодиться, учтите! Н-ну, о глупенькой моей дочери и о том, что стал счастливым папашей, его сиятельство, разумеется, не узнал. Хороша бы я была, примчавшись к императорскому двору с беременной дурочкой на руках. Кроме того, сильно сомневаюсь, что отец моих внуков – действительно Ромас. А если бы и так... Догадываетесь, где он сейчас? Коротает век на острове Покоя и Признания, в дичайшей для человека его происхождения компании с тысячей других калек. Включая преступников и безымянных. Поговаривают, опустился невозможно. «Сик транзит gloria мунди». Да, Иван, слава земная, увы, преходяща. Мне его искренне жаль. Может быть, из него получился бы хороший государь. Лучше нынешнего рохли, храни его Фанес. Но история с проваленным дворцовым переворотом случилась, как понимаете, впоследствии. А в год, когда моя бедная дурочка согрешила, он еще был вполне здоров, молодецват и при титуле. Так вот, заупрямилась доченька, от плода избавляться не захотела категорически. А родами скончалась...

– Соболезную, – тихо сказал Иван.

– Спасибо, – кивнула архэвисса. Посмотрела на него пристально и спросила: – Признайтесь-ка, Иван. Только искренне. Я вас, часом, не утомила? Душещипательные старушечьи воспоминания и так далее...

– Нет, что вы, вовсе не утомили. Мне интересно. То есть...

Иван, вдруг осознав, что именно произнес, страшно смутился. «Мне интересно!» Экий ты, братец, оказывается, любитель смаковать интимные подробности! Он промямлил:

– То есть, не то чтобы интересно, а... – тут он окончательно запутался и умолк, угрюмо сопя.

Люция похлопала его ободряюще по руке.

– Ну-ну, не переживайте, я поняла. Могу излагать дальше, ничего не тая, вы будете внимательны, как микродаймон линзы, и молчаливы, как камень героона⁶. Что мне и требуется, признаю. Давно требуется. А поскольку я эмансипэ и отчаянная атеистка, то такая роскошь, как исповедь – в храме ли, собственному духовнику ли – мне совершенно недоступна. Словом, назначаетесь, Иван, моей жилеткой для слез, – шутливым тоном распорядилась она. – А я

⁵ Б. Пастернак

⁶ Ложная гробница героя, святилище в его честь.

немедленно возобновляю рыдания. В конце концов, от мальчишек я отделалась точно так же, как от их матери. Услала, едва появилась возможность, в прославленный Киликийский морской и кадетский корпус. С понятной перспективой встречаться в дальнейшем максимально редко. Дядек им строгих определила, все честь по чести. Спихватилась, когда у мальчиков уж пушок на губе проклюнулся. И то – знаете, почему? Потому что оба в ультимативной форме отказались возвращаться в казармы после очередной побывки. Я, конечно, расвирепела, безобразно наорала на них, приказала силой посадить на поезд и успокоилась. Представила, что проблема решена. Не тут-то было! С поезда они преотлично удрали. Подсыпали дядькам снотворного в кофе. Вернулись оба в Арин. Да ни один не ко мне. Валентин к торгашу этому сладострастному – и где только снюхаться успели? – а Виктор на вокзал. Его-то я постепенно приручила... Но вас, как я понимаю, интересует как раз Валентин?

– Не он. Дем Тростин, лавочник, – сказал Иван.

И внезапно, удивляясь сам себе, рассказал единым духом всю непонятную историю с белобронзовыми фламбергами, фехтовальщиком-минотавром, оружейником Логуном, его молодой женой и злосчастным, но, по-видимому, могущественным гиссервом Лео, твердым держателем Ножа Вешнего.

– Так в чем загвоздка? Давайте, я попросту расстрою сегодняшний праздник, и вся недолга! – предложила Люция азартно. – Средств и влияния у меня на это хватит, будьте уверены. Попутно прищучим растлителя. У меня на него, сами понимаете, давнишний зуб, и предлинный!.. Ну, все равно, что бивень мамонта.

– Мне бы не хотелось доводить до крайностей, – рискуя поссориться с зубастой бабулей непутевых близнецов, воспротивился Иван. – Во-первых, Лео, может статься, вовсе ни при чем. В моем деле, – уточнил он. – Поэтому мне непременно надлежит переговорить с ним лично. Ведь если он виноват, то отмена лаймитских гуляний все равно ничего не изменит. В лучшем случае отодвинет время нового покушения, да и то не наверняка. Если Лео невинен – тем более бессмысленно. Во-вторых, пострадают лимонады, которые вообще ничем перед нами не провинились. И, в-третьих... А вдруг на самом деле явится сегодня этот их лучезарный божок с полным лукошком благодати? Нет, ну вы подумайте – первосортное благо из самой сердцевины мира! Для вас, для ваших внуков и ваших мандариновых плантаций. Для почтенных аринцев и правоверных лаймитов. Кому от этого станет худо? И вообще, – заключил он, – я убежден: всего надежней действовать не скоропалительно да наобум, а соответственно обстоятельствам. Чтобы не напортачить.

– Значит, предлагаете руководствоваться священным принципом врачей: «Главное не навреди»?

– Именно так.

– Хорошо, уговорили, – блеснула глазами Люция. – В конце концов, кто помешает мне накрутить хвост этому вечно юному гиссерву чуточку позже?

Иван с удивлением подметил, что совсем уже перестал обращать внимание на ее внешность. Привык и даже как будто стал находить в ведьмовских чертах какой-то особый шарм. Впрочем, иначе и быть не могло – старуха ему невероятно понравилась.

Архэвисса взмахом хлыстика подозвала недвижимо стоящего поодаль безымянного. Изменившимся голосом, глядя подчеркнуто мимо, приказала:

– Эва Виктора поторопить, сказав, что в противном случае он рискует пропустить ужин. Упомянуть, что будет ужин максимально кратким, ждать я никого не намерена. Распорядиться подавать на стол. И сию минуту велеть запрягать Мегеру! Коляска – загородная. Да живо там!

Последняя фраза была явно лишней. Вышколенный слуга улетучился скорей, чем ноктис, попавший под заревой солнечный луч. Люция довольно усмехнулась и спросила, чрезвычайно ли она похожа на жестокую рабовладелицу. Иван в тон ей сказал:

– Да сударыня, изрядно. Однако ж, прогрессистка все равно видна.

Люция в голос расхохоталась.

АРИН

Вчера. Вечер

Мегера была черна, как вороново крыло, высока в холке и, по-видимому, очень зла. Она храпела, трясла головой и казалась зубы – почище иной собаки. Люция предупредила имяхранителя, что кобыла абсолютно не выносит незнакомцев, и потому следует держаться от нее на расстоянии. Могла бы не предупреждать. Ивану казалось, он и без того видит пылающие над конским крупом письма, обращенные лично к нему: «Если жизнь дорога – не приближайся!».

«Ну, прямо-таки анекдотично, – думал он, влезая в коляску и косясь на лошадь (которая также косилась на него, причем крайне неодобрительно), – и эта ведь туда же! Что за напасть? Одни только поезда меня кое-как выносят. Проклят я, что ли? Демоном каким-нибудь взнуздан и оседлан? Не-ет, дайте закончить с этим делом, ей же ей наведуясь к экзорцисту!»

Втроем в бричке было тесновато. Она была рассчитана на одного, много двух седоков средних габаритов. Видимо, архэвисса привыкла обходиться в поездках без спутников. Поместились так: она за вожжами, посредине; мужчины по краям. Иван сидел слева, и в один бок ему упирался кожаный валик подлокотника, а в другой – твердое угловатое железо: воинственная старушка прихватила в дорогу старинный двуствольный пистоль. Пружинный пистоль был заряжен и стоял на предохранительном взводе; длинные стволы начинены стрелками с парализующим составом на остриях. Приходилось надеяться, что древние внутренности оружия не износились до последней степени. И на то еще, что где-нибудь на кочке пистоль вдруг не выплюнет в бедро Ивану жало, способное утихомирить в мгновение ока медведя-шатуна. Впрочем, приключиться с ними могло всякое, и терять *в случае чего* драгоценные мгновения, чтобы зарядить этого современника пращей и баллист, представлялось неразумным.

Дорога, мощеная в шахматном порядке красным и серым булыжником, шла меж рядов старых деревьев. Кроны смыкались сплошным пологом, и там, среди листвы, бурлила жизнь. Носились во множестве блестящие жуки, шныряли какие-то проворные твари. Не то птицы, не то зверьки, не то древесные змейки и ящерицы, а скорей, все вместе. Кто-то невидимый и, судя по могучести глотки, довольно крупный, пронзительно верещал над самой головой. Звук перемещался – крикун сопровождал коляску, не отставая.

Вик с жаром уговаривал бабушку остановиться и пальнуть из пистоля «на голос». Ну, хоть ради острастки, надоел этот крикун уже до последнего предела. Люция не соглашалась, аргументируя тем, что вместо относительно безобидного визга могут начаться гораздо более серьезные неприятности. Например, массированный обстрел пометом. Жидким и чрезвычайно едким, выстреливаемым с огромной силой и точностью. Готов ли он, Вик, к подобному развитию событий?

Вик сознался, что готов не вполне.

– Так-то! – молвила Люция назидательно и вдруг с поразительной быстротой навскидку выстрелила.

Звук раздался такой, будто лопнула ось коляски. По меньшей мере. Мегера прыгнула, но была удержана твердой рукой. Визг немедленно оборвался, в кронах зашуршало, и позади экипажа на дорогу шлепнулось бурое хвостатое тельце.

– Так-то, – еще раз сказала архэвисса и сунула пистоль Ивану. Перезарядить.

Виктор захлопал в ладоши и чмокнул бабушку в щеку.

Вскоре они свернули на хорошо укатанный проселок, засыпанный опавшими лепестками. Потянулись по сторонам бесконечные шеренги мандариновых деревьев. Кое-где между ними можно было разглядеть работающих людей. Чем они могли заниматься сейчас, когда плоды еще не созрели, а цветы облетели, далекий от сельского хозяйства Иван не представлял совершенно. Спрашивать было неохота.

Работники, оказавшиеся поблизости от дороги, при виде подъезжающей брички снимали мягкие широкополые шляпы и почтительно кланялись. Люция, руководствуясь одной ей известным принципом, то салютовала в ответ двумя пальцами, то кивала, но чаще всего воздерживалась от любых жестов.

Клонящееся к горизонту солнце приятно грело спину, рессоры были мягки, Мегера, несмотря на крутой нор, бежала ровно. Вдобавок Вик принялся довольно мелодично напевать что-то покойное, вроде бы даже знакомое, полузабытое. Ивана стало клонить в дрему. Сонливости он сопротивлялся без особого усердия.

Пробудился, когда лошадь встала. Начинало смеркаться. Коляска стояла на пригорке, и впереди было такое... Иван спросонья даже не сразу понял, что именно.

– Ух, народищу-то! – воскликнул Вик. И только тогда до имяхранителя дошло: темная подвижная масса впереди – люди.

– Сколько их тут? – возбужденно вопрошал Вик. – Тысяч десять, да? Больше, да?

– Ваше мнение, Иван? – спросила Люция. – Наберется десять тысяч?

– Где там, – возразил он, привставая. – Конечно же, нет. Человек семьсот лимонадов. Ну, и прочих – немногим более тысячи.

Он сам бы не решился сказать, откуда в нем подобная уверенность. Однако готов был ручаться чем угодно – не ошибается. Семьсот лаймитов и тысяча с небольшим зрителей. Ну, пусть сотня туда-сюда, а скорей даже меньше. Неожиданно для него самого выяснилось, что он умеет определять навскидку количество голов в толпе. Определять приблизительно, однако довольно верно. Его этому... учили? А ведь, похоже, что так! Кто и когда, он не помнил, для чего – не знал, и все-таки в том, что учили, причем основательно, сомнений не возникало.

Люция посмотрела на него с любопытством, однако от комментариев воздержалась. Кивнула согласно. Зато Вик, кажется, усомнился в точности расчетов. Еще бы, ему так хотелось, чтобы народу было побольше! А иначе – какой интерес?

С пригорка можно было без труда охватить взглядом всю, выражаясь военным языком, диспозицию. Даже странно, что они оказались единственными наблюдателями, расположившимися на такой выгодной точке. Ну не принимать же в расчет нескольких колонов, присматривающих за оставленными здесь повозками, а также лошадей?

«Дело, наверное, в расстоянии, – подумал Иван. – Далековато для зрителей, одолевших немалый путь и предпочитающих находиться в непосредственной близости от ожидаемого действия».

А вообще, на взгляд имяхранителя, зрителей было все-таки многовато для того десятка карет, что находились поблизости. Неужели пришли пешком? Это ленивые-то, как кастрированные и перекормленные коты, аринцы? Ой, вряд ли.

Недоразумение рассеял Вик, заявивший, что, пожалуй, Иван все-таки прав. Народу действительно не может быть более полутора-двух тысяч. Поезд, на котором все эти зеваки, как следует понимать, прибыли (до разъезда «Ключи» рукой подать), больше не вместит. Не безразмерный.

«Ага, еще, значит, и поезд... А ведь до чего настойчиво мне предлагался таксомотор как единственно приемлемый вид транспорта!» – Иван запыхтел и недовольно покосился на вероломного паренька. Но тот был всецело поглощен разглядыванием места предстоящей церемонии. Иван, усмехнувшись, занялся тем же.

Лаймитское святилище находилось посреди ровной площадки, окруженной газовыми светильниками на невысоких столбиках. От когда-то стоявшего здесь строения осталась лишь часть каменной кладки. Сделано ли это было людьми или филигранно поработало время, но только все стены имели сейчас примерно одинаковую высоту – по середину бедра человеку. Линия стен была сложна – во всяком случае, для обыкновенного сарая. Внутри большого незамкнутого кольца находилось еще одно, диаметром значительно меньшее и также незамкнутое. Разрывы колец (возможно, в прошлом дверные проемы) имели одинаковую ширину и находились на одной линии, ориентированной точно на восток. Кольца стен соприкасались, точка касания лежала в аккурат напротив проемов. Тут же, будто продолжая своеобразную ось восток-запад, проходил последний, третий, идеально прямой отрезок стены. Он начинался в центре малого кольца и заканчивался снаружи большого.

В целом сооружение удивительно напоминало начавший раскрываться цветок. Сходство это было, по-видимому, для лаймитов особенно важно. Настолько важно, что его даже усилили нарочно. Камни кольцевых стен были выкрашены нежно-розовым цветом; «стебель» – глянцевым темно-зеленым. В середине капища, на самом краешке прямого отрезка стены, стояло огромное плетеное блюдо. Вызолоченное, искусно подсвеченное, наполненное оранжевыми и желтыми плодами, оно, без сомнения, изображало цветочный венчик.

Преисполненные радостного ожидания лаймиты заполняли пространство вокруг «цветка». Двенадцать избранных верующих располагались между каменными кольцами. Двое – в малом круге, непосредственно подле блюда. По-видимому, то были верховные жрецы. В более полном из них, похожем на колобок, Иван без особого удивления признал Лео. Второй, стройный юноша с прекрасными длинными кудрями, не мог быть никем иным, кроме Валентина. Оба были обнажены по пояс. Бедра перепоясывали шелковые шали – ярко-оранжевые с золотыми кистями. Кисти касались земли.

Лео, похоже, тяготился ролью гиссерва – очень уж напряженно держал «Вешний Нож». Чуть ли не со страхом, далеко отведя острие в сторону. Оружие пуще всего походило на короткую кривую саблю. Точно такой же клинок висел на бледной, изнеженно-гладкой груди Валентина. Поддерживающий шнурок сверкал, будто обсыпанный алмазной пылью. Ножны отсутствовали. Ивану при взгляде на «ножи» вспомнились давешние яванские клеванги из «Эспадона». Это вполне могли оказаться они.

«Ну, сударики, да вы тут, гляжу, сдурели совсем!» – крикнул про себя Иван.

Люция безмолвствовала, хладнокровно наблюдая за происходящим в лорнет.

Рядовые лаймиты щеголяли, как один, в привычных бахромчатых одеяниях. Серебристых лохмотьев между ними Иван, сколько ни вглядывался, не заметил. Минотавр либо отсутствовал, либо (что вернее) попросту маскировался.

Разделял лимонадов и зрителей ряд фонарей. Впрочем, главным препятствием к слиянию разнородных людских масс служили вовсе не столбы, а проворные молодцы, числом до трех десятков. Все они были в плотных матерчатых полумасках, закрывающих нижнюю половину лица, все при дубинках. Держались молодцы с уверенностью бывалых столичных городских, собаку съевших на работе с большими толпами. Глядя на них, Иван подумал, что организаторы праздника оказались людьми предусмотрительными и для поддержания порядка пригласили профессионалов.

– Мегеру придется оставить, – с сожалением констатировала Люция. – Что, девочка, подождешь матушку здесь? – ласково приговаривая, обратилась она к лошади.

Кобыла звякнула уздой, фыркнула.

– Вот и ладненько, – сказала архэвисса. – Двинулись, добры молодцы?

Извлеченную из багажного сундука сумку с фламбергами Иван забросил за спину.

Расстегнутую.

* * *

– Прочь с дороги, шавка! – процедила Люция и взмахнула хлыстом.

Поперек морды у охранника легла быстро набухающая кровью полоса, полумаска съехала на шею. Он сначала растерялся, но скоро опомнился и прыгнул назад. Ощерился, выхватил дубинку. На помощь ему уже спешили напарники. Люция потянула из-за пояса пистоль. Иван выдвинулся вперед, закрывая архэвиссу собой, изогнул губы в недоброй улыбке. Дернул сумку за ремень. Совершив оборот вокруг его торса, сумка почти без остановки полетела в сторону – пустая. Фламберги, соприкоснувшись плоскостями клинков, загудели. Будто предостерегали. Рукоятки намертво прилипли к ладоням; держать их оказалось очень привычно и как-то необыкновенно приятно. Иван даже опечалился на миг, вспомнив, что пользоваться ими в будущем ему не придется. Впрочем, успокоил он себя, до будущего еще дожить нужно.

– Назад, волчья сыть! Жив-ва! – рывкнул он и сделал широкий шаг наперерез самому прыткому из охранников.

Тот вряд ли успел понять, что произошло. Удар рукоятью меча в лоб повалил его навзничь. Дубинка улетела в сторону.

Ближайшие к месту схватки аринцы, скучающие в ожидании начала церемонии, довольно загомонили. Послышались ободряющие выкрики в адрес обеих сторон. Кто-то азартно засвистал. В упавшего охранника полетел огрызок яблока.

Иван отступил, демонстративно подышал на хвостовик рукоятки и потер его о штанину. Он надеялся, что толщина лобной кости охранника соответствует стандартной для его профессии. По расхожему, хоть и шутливому мнению, городские ежеквартально испытываются на способность выдержать удар молотком в лоб. Фламберг, конечно, потяжелей молотка, но бил Иван предельно аккуратно.

– Следующую башку снесу, – предупредил он почти дружелюбно, опуская обманчиво расслабленные руки по швам.

Охранники остановились, сблизилась, принялись негромко переговариваться. Всего лишь четверо. Прочие оставались поодаль и наблюдали за развитием событий, не покидая своих мест в оцеплении. Пока. Именно что пока. Растерянности ни у ближних, ни у дальних не наблюдалось и в помине. «Жаль, – подумал Иван. – Мне жаль вас, парни. Лучше бы вам плюнуть на обещанную лимонадами плату и разбежаться, дав нам дорогу».

Переговоры закончились на удивление скоро. Вздутый Люцией охранник бочком направился к поверженному соратнику, демонстративно запихивая дубинку за ремень. Еще один кинулся бежать куда-то, и уж наверняка не просто так, а с определенной целью.

«Скверно, если у них тут имеется стрелок», – озабоченно подумал Иван, косясь по сторонам.

Оставшиеся двое начали двигаться. Не приближаясь и не отдаляясь, они перебежали влево вправо за спиной друг у друга. Влево, вправо. Приседали, хлопая над головой ладонями. И опять: влево, вправо. Хлоп, хлоп. Влево, вправо... Обезьяны, да и только.

– Они что, взбесились? – громко спросил Вик.

Иван не ответил. Происходящее его озадачивало и поэтому активно не нравилось. Иван начал опасаться, что инициатива, горг подери, каким-то неведомым способом потеряна. Уже потеряна. Причем бесповоротно. Смотреть неотрывно на кривляк-охранников означало наверняка проморгать кого-то другого, заходящего, к примеру, с тыла. Проигнорировать? А если они только того и ждут? Расслабишься – тут-то и метнут в лицо мешочек с измельченным красным перцем или чем-нибудь похуже. Вот и выбирай. Решив покончить с проблемой самым простым способом, имяхранитель двинулся вперед. Оглушу клоунов и вся недолга!

Охранники одновременно по-заячьи завизжали, опустили на четвереньки и вдруг с нечеловеческой скоростью прыснули в стороны. Замерли вне зоны досягаемости на трех конечностях, покачивая дубинками над головами; сами раскачивались тоже.

– В-вашу так! – рявкнул Иван недоуменно и крутанул мечами. В ответ понеслась новая серия визга.

«Фрезами бы вас срубить!» – подумал он зло. Это была почти паника.

И тут выступила восхитительная Люция, обеими сторонами крайне близоруко упущенная из виду. Раздался знакомый хлопок лопнувшей оси – раз и другой, после чего безумные плясуны провалились в самые глубокие пропасти царства Морфея.

– Недоучки, – презрительно бросила архэвисса, переламывая верный пистоль пополам и загоня в стволы новые стрелки. – Глаза отвести старухе да обломку – и то путем не могут. Э-эх, измельчал народишко. Вперед, мои рыцари!

Едва они двинулись с места, появился убегавший охранник. Да не один. Компанию ему составлял немолодой, приземистый красномордый мужчина в форме околоточного пристава со споротыми знаками различия. Движения красномордого напоминали медвежьи: тяжеловесны, преисполнены силы. Грандиозные фельдфебельские бакенбарды походили на пару валяных сапог, приклеенных к мясистым щекам. Брови грозно сошлись на толстой переносице, мясистый нос был сердито сморщен. Глазки превратились в точки, а губы плотно сжались. Череп его был абсолютно гол. Снятую полумаску он нес в руке вместе с кепкой, похожей на таблетку.

– А-а! – воскликнула архэвисса недобро. – Генерал Топтыгин! Так, так, так. Что же ты, каналья, не растолковал своим павианам, кто для них роднее матери и страшнее Тартара? Бросаются с дубинами, а не заладилась, так глаза пробуют отводить. Шкуру с них живьем содрать, вывернуть наизнанку и обратно надеть моей властью – легче легкого. А ты... сам-то помнишь, чье здесь все?

– Помню, матушка, – загудел человек, названный Топтыгиным. – А парни мои... с них какой спрос? Нездешние. Городовые, выписаны с Пантеонии на одну ночь. Откуда им знать, кого допускать, кого нет? Велено всех заворачивать, они и стараются. Да и шла б ты одна, матушка, так они куда ласковей были бы. А то ж сей облом, – зыркнул он на Ивана, – что при тебе спутником... Хорошо его знаешь?..

Люция смерила отставного пристава ледяным взглядом.

– Ну, раз так, и ладно, – спешно пошел красномордый на попятную. – Сейчас, сейчас, матушка, выберем тебе место поудобней. В самой, так сказать, ложе. Эй, кто-нибудь... да вот хоть бы ты... как бишь тебя... Поди-ка сюда!

– О какой ложе ты мелешь? Мы пройдем к лимонадам, – непререкаемо заявила архэвисса.

– Так ведь...

Старуха уперла пистоль Топтыгину в горло. Тот побледнел, но остался тверд:

– Не могу, матушка. Хоть смертью казни, не могу. Так уж приучен: кто команду дал, тому и отменять. Ну, либо чину, еще более высоко стоящему. А про тебя мне ничего не было говорено... – Он враз осип: Люция надавила сильнее. – Пусть я не при службе давно, однако, принципы блюду. Через то и уважаем до сих пор. Не гневайся.

– Вот же кремень старик! – усмехнулась одобрительно Люция, отымая стволы. – Горг с тобой. Веди на лучшие места. Да смотри, чтобы с них доподлинно все видно было! Не одни затылки лимонадов.

– Не изволь сомневаться. Все увидишь, все услышишь, ничего не пропустишь. Я там заранее велел подмости соорудить. Прямо сердце чуяло, что ты, матушка, пожалуешь... А ты, облом, оружие-то убери, – буркнул он Ивану. – Размахался! Это без допуска-то, значит. Твое счастье, что я на пенсии нынче.

Сумку искать было недосуг. Иван, недолго думая, обернул мечи курткой и взял под мышку.

* * *

Лаймиты выжидали, когда солнце опустится за горизонт полностью.

– «И вот последний луч светила угас. Темнота прыгнула, как волчица», – продекламировал выразительно Вик и засмеялся. Архэвисса покосилась на него с осуждением.

Фонари загорелись ярче, свет под блюдом с фруктами в центре капища полыхнул с новой силой. Гиссерв Лео, пристав на цыпочки, вскинул руку с Ножом Вешним к небу. Валентин, преклонив колена, опустил свой клеванг к земле. Лимонады разом выдохнули протяжное «о-о!» и торопливо сбросили одежды, оставшись в одних только оранжевых панталончиках. Среди них обнаружилось великое множество очень, ну просто чрезвычайно хорошеньких женщин, и Иван не сумел удержаться: подался вперед, пожирая глазами обворожительные фигурки. Вик довольно цокнул языком. Люция невозмутимо поводила лорнетом: стройных молодых мужчин тоже хватало. Вообще, в подавляющем большинстве лимонады были молоды и красивы. И все улыбались. Многие из мужчин оказались возбуждены – узкие эластичные панталончики скрыть того не могли никак. Необходимость для ритуала всеобщей любви воспринималась лимонадами буквально.

А вот Лео был явно не в себе. Произнеся короткую и довольно вялую речь о наступлении долгожданного и радостного часа, он принялся словно бы нехотя исполнять обряд. Брал с блюда фрукты, рассекал надвое и передавал половинки дюжине особо приближенных сподвижников.

– Ой, да когда же завяжется, наконец, хоть что-то любопытное? – недовольно сказал Вик. – Я засну скоро.

– Спи, – предложила Люция. – В твоём возрасте это куда полезней, чем облизываться на девичьи прелести.

Вик бурно возмутился. Что значит полезней? Почему бабушка всегда ставит физиологию вперед? А как же души прекрасные порывы, для развития которых необходимо возвышенное созерцание как раз таких вот сладостных картин?

– Себе противоречишь, – усмехнулась Люция. – То ты спать хочешь невыносимо, то сладостными картинами любоваться. Как предлагаешь тебя понимать?

– Как созревающего, и потому склонного к крайностям отрока, – пришел на выручку Иван.

– Верно, имяхранитель! – заулыбался Вик.

– Притом крайне малообразованного, – мстительно добавила Люция, не желающая прощать внуку оставление кадетского корпуса.

– Смотрите, смотрите, кажется, зашевелились! – вскричал отрок, уходя от дальнейшей дискуссии.

К Лео успел присоединиться Валентин, и дело «снятия кожуры» сразу пошло веселей. В считанные секунды апельсинами были наделены все двенадцать старших лаймитов. Рядовые участники церемонии начали по одному приближаться к наружным стенам святилища. Там правое плечо каждого щедро обливалось свежавыдавленным соком, звучало короткое звучное напутствие на неведомом языке. Причастившиеся, выплясывая, кто во что горазд, отходили в сторонку. Собравшись всемером, переплетались пальцами, смыкались орошенными соком плечами – точь-в-точь дольки апельсина, – образуя тесно сбитые ячейки. Свободными руками охватывали впередистоящих за грудь, притягивали к себе крепко, все крепче и крепче, вдавливаясь, вминаясь друг в друга – чреслами, животами, спинами и грудями – пока не превращались в удивительный многорукий и многоногий человеческий клубок, который, став поистине «едина плоть», принимался яростно ласкать самое себя. Семерки лаймитов постепенно соединялись в сплошную цепь, образующую живое кольцо вокруг святилища.

Стоны, хриплый смех и сбивчивое дыхание массовой оргии становились все громче и неистовей. Состав групп был различным, встречались даже однополые, и Ивану сделалось невыносимо гадко. Он наморщил нос, подавил яростное желание выругаться и отвернулся. Мандариновые деревца на фоне первых звезд выглядели куда более привлекательно, чем свихнувшиеся лимонады.

– Да смотри же ты, имяхранитель! – дернул его за руку тяжело дышащий Виктор. – Начинается!

Он нехотя оборотился.

Кольцо, напоминающее огромную омерзительную гусеницу или морское иглокожее, состоящее из десятков сегментов, пыхтящее множеством горячих устьиц, шевелящее сотнями щупиков, целенаправленно замыкалось. «Гусеница» поглощала все новые лаймитские клубки и оттого короткими толчками удлинялась, росла, будто бы стремясь поскорее впиться жадным ртом в собственный хвост. В трепетании слипшихся тел стал проступать ритм – так же, как и в какофонии звуков, складывающихся постепенно в завораживающую мелодию. Начальная неспешная торжественность церемонии нарушилась совершенно. Старшие жрецы более не ждали рассеченных фруктов от гиссерва, хватали их сами из невесть откуда появившихся корзин, раздирали пальцами и зубами и метались, втирая без разбору в торсы и лица лаймитов – куда придется.

Возбуждение передалось зрителям. Несколько человек, замороженных страстным действием сильнее остальных, срывая одежду, ринулись к лимонадам. Бешено заработали дубинки охранников. Генерал Топтыгин хватал обезумевших людей в охапку и швырял назад. Кто-то силился выбраться прочь и не мог протиснуться сквозь уплотнившуюся толпу; кто-то плакал навзрыд. Повсеместно вспыхивали и тут же угасали короткие нелепые потасовки. Близ помоста кого-то мучительно рвало. Вик, поддавшись общему психозу, дернул ворот, сделал движение вперед, но был остановлен беспощадной пощечиной Люции. Он безвольно опустился на корточки и тихонько, совсем по-детски, захныкал.

Просвет в кольце почти исчез. Через мгновение его заполнили собою двенадцать старших жрецов, обошедшихся без соединения в клубки. Почти неуловимое движение... и они поглощены единым махом. Прозвучал слитный вздох. Кольцо дрогнуло, по нему пробежала волна всплеснувших рук. Полторы тысячи ножек задвигались. «Гусеница» пришла в движение, все быстрее и быстрее разгоняя невообразимый лаймитский хоровод вокруг святилища.

Надрывно вскрикнув, Валентин обеими руками сдернул с чресл Лео Тростина шаль и дико ударил ногой в обнажившуюся промежность. Лео пошатнулся, болезненно скрючился, с запозданием обнимая бедра. Выпавший из его руки Вешний Нож сейчас же оказался подхваченным юношей.

Разводя клинки в стороны, Валентин двинулся наружу.

Он остановился в проеме внутренней стены, торжественно развернулся лицом к центру святилища и коснулся остриями камней. Фонари враз погасли, превратились в чадно коптящие огоньки. Валентин начал вполголоса, сбивчивым речитативом говорить. Слов было не разобрать, кроме одного, которое повторялось чаще других, короткого и трескучего – как будто совсем не сложного, однако такого, что повторить его Иван не взялся бы.

– Не-ет! – с отчаянием взвыл Лео и пополз к юноше, протягивая руку. – Нет, не смей, не смей! Ты не можешь!..

Валентин, не прекращая говорить, ждал его приближения.

Иван внезапно понял, что сейчас обязательно произойдет. Страшное, невозможное – произойдет. Он сорвался с места, походя откинул охранника, но и сам вдруг оказался сбитым с ног. Вскочил – и снова упал; звезды из глаз полетели веером.

Он встал на колени.

На него накатила густая душная волна, состоящая из запахов человеческого пота, половой секреции, пыли, апельсинового сока и еще чего-то, едкого, кислого. Он услышал совокупный топот множества ступней и звук дыхания множества глоток. Перед глазами летела нескончаемая череда испачканных голых ног. Невероятная лаймитская тысяченожка не желала пропускать его к своему гнезду, где скоро должна была вылупиться долгожданная кладка. Его попросту отбрасывало от этой безумной, чудовищной карусели, как отбрасывает от разогнавшегося точильного круга мелкие предметы. И попробуй-ка прижмись! Он посмотрел на саднящие ладони. Кожа была ободрана. Жгло лоб и щеку, слезился и закрывался левый глаз. Подбородок тупо саднило, точно его долго и со вкусом, без излишней жестокости, но и без пощады били свинчаткой.

Даже самый закаленный металл не способен устоять перед наждаком.

Иван выпрямился во весь немалый рост, заранее понимая, что уже опоздал.

Он не ошибся. Лео Тростина, удачливого торговца оружием, толстяка-жизнелюба, умелого рассказчика, игрока и выпивохи больше не существовало. Его тело лежало подле ног Валентина и выглядело так, будто его растоптал бык.

Валентин возвышался над ним, как молочно-белое фарфоровое изваяние. Безмолвное, недвижимое, прекрасное и жуткое одновременно. Длинные волосы раскинулись над головой короной, поднятые ветром пряди напоминали витые шпильки. Шаль влажно облепила стройные ноги; золотые кисти с шипением искрились. Клеванги по-прежнему касались жалами стен. Камни стен раскалились, потрескивали от страшного жара, шли трещинами и постреливали мелкими осколками; краска вздулась пузырями. Кое-где поднимались струйки дыма. Растущая вблизи стен трава потемнела и скукожилась.

Но Валентину, как и лаймитам, жар был нипочем. Они перестали быть людьми.

Аринцы безупречным обывательским нюхом почуяли, что карнавал, неожиданно обернувшись публичной казнью, грозит перейти в кровавое действо с их непосредственным участием, и поспешно рассеивались. И молчаливыми при этом их не назвал бы даже глухой. Охранники, вмиг растерявшие недавнюю удаль, стягивались к Топтыгину. Но и он, несмотря на звание-прозвище генерала, похоже, слабо представлял, как быть дальше.

Подошла Люция. От влажного, в розовых разводах носового платка, который она держала у лица, явственно припахивало вином. Иван вспомнил о круглой плоской фляжке, взятой старухой в дорогу, и ему тотчас нестерпимо захотелось промочить горло. Не обязательно вином, хотя бы водой. Он сглотнул, поискал глазами мальчишку. Не нашел. Не хватало еще чего-то. Ах да, куртки с мечами. Иван решительно не помнил, когда умудрился выронить сверток.

– Где Вик? – спросил он.

– Отправила к бричке вместе с вашими саблями. Ему тут не место.

– Ага, правильно, – сказал Иван. – Детям здесь вообще не место. Ну почему мы...

– Кончайте болтать, имяхранитель, – оборвав его, повелительно сказала старуха. – Идите туда, внутрь. Заберите моего внука, пока он не натворил еще чего-нибудь. – У нее вдруг сел голос.

– Сударыня, прошу, не тревожьтесь, – сказал Иван, взяв ее за руку. Добавил уверенно: – Я его вытащу. Только как мне туда попасть? И главное... понимаете, мальчик, похоже, слегка не в себе. В трансе, вооруженный... Короче говоря, – прекратил он юлить, – на что я имею право?

– Абсолютно на все, – сухо сказала Люция.

– На ВСЕ? – переспросил Иван. – То есть...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.